Люди науки

Б. В. ЮСОВ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Люди науки

Б. В. ЮСОВ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Книга для учащихся

Москва
«Просвещение»
1985

ББК 26.8 г
Ю89

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор *Э. М. Мурзаев;*
ст. преподаватель *А. А. Богданова*

Юсов Б. В.

Ю89 Н. М. Пржевальский: Кн. для учащихся.— М.: Просвещение, 1985.— 95 с., ил.— (Люди науки).

Эта книга — популярный очерк о великом русском путешественнике XIX века Николае Михайловиче Пржевальском, заложившем основы современных знаний по географии внутренних труднодоступных областей Евразии, о его замечательных экспедициях и географических открытиях в Уссурийском крае и в Центральной Азии, о его вкладе в изучение народов, населяющих страны, которые он посетил.

Ю $\frac{4306020000-400}{103(03)-85}$ 170—85

ББК 26.8г
91(09)

© Издательство «Просвещение», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Имя Николая Михайловича Пржевальского — прославленного русского путешественника — навсегда вошло в историю географических открытий.

Пржевальский по праву называется первоисследователем Центральной Азии. Он совершил по Центральной Азии четыре путешествия, пройдя по ее горам и пустыням более 30 тыс. км. Пржевальскому принадлежат крупнейшие географические открытия в Центральной Азии, он изучил и описал наиболее интересные и характерные особенности ее природы.

После каждой экспедиции этого неутомимого исследователя огромное «белое пятно», занимавшее центральное место на карте Азии, сокращалось. Пржевальский первый открыл для науки неизведанные внутренние районы самой большой на земле части света, долго скрывавшей от посторонних глаз свои тайны и географические загадки.

Дальнейший рассказ о великом научном подвиге Н. М. Пржевальского требует, очевидно, чтобы мы пояснили, что же географы имеют в виду, когда говорят «Центральная Азия».

Под этим географическим понятием подразумевается высокая внутренняя область Азии, сильно отличающаяся своими особыми природными условиями от всего, что имеется на земном шаре.

Громадная по размерам, примерно 2/3 площади Австралии, Центральная Азия включает в свои границы обширнейшие пустынные и полупустынные равнины и не менее обширные плоскогорья и нагорья, в том числе Тибет, поднятый титаническими внутриземными силами над уровнем моря в среднем на 4,5 тыс. м.

Со всех сторон Центральная Азия окаймлена высокими горными хребтами. Препятствуя проникновению в ее глубинные

районы влажных океанических воздушных масс, осушая их, эти заоблачные горные барьеры способствуют тому, что климат Центральной Азии и сам по себе суровый, резко континентальный, из-за огромной абсолютной высоты становится еще более суровым.

Такой климат оказывает исключительное влияние на формирование поверхности и речной сети Центральной Азии, на растительный покров и фауну, на хозяйство и быт местного населения.

Большое влияние на характер поверхности, растительного покрова, на животный мир и жизнь населения этой очень своеобразной природной области Азии оказывает также отсутствие на большей части ее территории стока в океан. Почти все воды во внутренних районах Центральной Азии сбегают в местные замкнутые котловины. К морю выходят лишь те реки — да и то не все,— истоки которых находятся на внешних склонах окружающих ее гор.

Когда мы говорим о Н. М. Пржевальском как о первоисследователе Центральной Азии, то это совсем не означает, что до него Центральную Азию не посещал ни один ученый. И тем более не следует делать из этого вывод, будто Центральная Азия совсем не была известна до этого.

Еще во II веке до н. э. по так называемому «шелковому пути», связывавшему тогда Древний Китай с Ближним Востоком и через него с Западной Европой, начали ходить торговые караваны. Тогда же, а затем в IV и VII веках н. э. по землям Центральной Азии, еще не включенным в то время в состав Китайской империи, проходили известные в истории китайские путешественники. А позже, в XIII столетии,— западноевропейские послы, точнее, политические разведчики, которых направляли в ставку могущественных наследников Чингисхана — город Каракорум папа римский и некоторые короли Западной Европы, напуганные возможным вторжением в их страны монголо-татарских завоевателей. Эти послы, повидавшие все своими глазами, и привезли в Европу впервые за все средневековье действительно важные и достоверные сведения о далекой и загадочной для европейцев Центральной Азии.

В том же XIII столетии горы и пустыни Центральной Азии пересекли маршруты величайшего путешественника средних веков — венецианского купца Марко Поло, оставившего о своих многолетних странствиях по странам Азии очень увлекательный и в целом правдивый рассказ.

Центральная Азия не была забыта и в последующие столетия. Время от времени по ее землям проходили торговые караваны, проезжали дипломаты, купцы, различные миссионеры. А в более близкие к нам времена — путешественники, которых интересовала и география Центральной Азии. В пер-

вую очередь среди них следует упомянуть ученых, которые входили в состав русских дипломатических и духовных миссий в Китае и по пути в Пекин вели на севере Центральной Азии научные наблюдения. Ценные научные наблюдения проводили также, только в южной части Центральной Азии, индийские ученые, состоявшие на службе у британских колониальных властей, обосновавшихся в Индии.

Таким образом, и до Пржевальского, по Центральной Азии проложили свои маршруты сравнительно многие путешественники. Но это тоже, однако, не означает, что Центральная Азия для науки была широко открыта.

Не означает потому, что и с учетом того, что сделали ученые, специалисты, нельзя было получить более или менее правильное представление о всей ее огромной территории. Тех фактов и сведений, которые накопились о Центральноазиатской области к середине XIX столетия, было совсем недостаточно ни для составления географической карты, ни для более или менее глубокого понимания хотя бы главнейших природных процессов, которые происходят в самом сердце Азии.

Поэтому в середине XIX столетия перед географами попрежнему стояла нелегкая задача всестороннего или, как мы сказали бы сейчас, комплексного изучения географии Центральной Азии. Задача, для решения которой больше всех сделал наш соотечественник Николай Михайлович Пржевальский.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Николай Михайлович Пржевальский родился 31 марта (12 апреля) 1839 года в деревне Кимборово бывшей Смоленской губернии в небогатой, но в прошлом родовитой дворянской семье.

Родители Николая Михайловича — отец Михаил Кузьмич и мать Елена Алексеевна — построили для себя недалеко от Кимброво небольшую усадьбу «Отрадное», где Николай и провел раннее детство.

Николаю было семь лет, когда умер отец — отставной поручик, из-за слабого здоровья рано оставивший военную службу. Вместе с младшим братом Николай остался на попечении матери, которая занималась хозяйством, а воспитание детей поручила своему брату Павлу Алексеевичу Каретникову.

Все игры и досуг Николай проводил с братом Владимиром, чуть моложе его, и дворовым мальчиком Васькой — постоянным спутником и соучастником всех его затей.

Ни Елена Алексеевна, ни Павел Алексеевич ничем не стесняли детей в их занятиях. И как позже вспоминал Николай Михайлович, образ жизни у него с товарищами по играм был самый спартанский. В любое время они могли уйти в лес или на реку. Никто не останавливал ребят, когда они лазили по деревьям, мокли под дождем или бегали зимой по снегу. Никто не мешал им упражняться в стрельбе из лука или других способах охоты — самом любимом занятии будущего знаменитого путешественника и великого охотника.

Постоянное общение с природой закаляло волю и тело мальчика, вырабатывало у него твердый характер, смелость и упорство в достижении намеченных целей. Оно способствовало развитию у него любознательности и наблюдательности, умению

понимать природу, первоначальный интерес к которой пробудила в его душе еще в раннем детстве няня Макарьевна — превосходная рассказчица народных сказок, героями которых всегда были звери и птицы родных русских полей и лесов.

Условия и все окружение ранних лет жизни Николая Михайловича оказывали самое благотворное влияние на развитие такой важнейшей черты в его характере, как любовь к природе. Вместе с тем постоянное общение юного Пржевальского с няней и другими дворовыми людьми оказало большое влияние на его отношение к простым русским людям. Оно породило у него чувство глубокого уважения к ним как к людям, к их чисто человеческим качествам, к народной мудрости. Не случайно потом, уже будучи прославленным путешественником, Николай Михайлович после каждой очередной экспедиции обращался к членам своего экспедиционного отряда — простым русским солдатам[1] со словами горячей благодарности, отдавая тем самым дань их верности долгу, смелости и выдержке, их умению находить выход из самого трудного положения.

Но если с воспитанием характера и душевных качеств у молодого Пржевальского все было благополучно, то с образованием как раз все было наоборот. Павел Алексеевич Каретников был прекрасным воспитателем и руководителем в делах охоты, но не в области наук. Поэтому для обучения детей Елена Алексеевна была вынуждена приглашать семинаристов. К сожалению, все они оказывались плохими наставниками. По этой причине приходилось часто их менять. Но дело от этого все равно не улучшалось.

И все же к десяти годам Николай имел знания, достаточные для поступления во второй класс гимназии. Скорее всего, в этом достижении главную роль сыграли незаурядные способности самого Николая, чем наставничество бурсаков.

В гимназии Николай учился легко в основном опять же благодаря своим выдающимся способностям, и в первую очередь благодаря поразительной памяти. В среде товарищей он пользовался уважением как силач и умница.

На летние каникулы, длившиеся почти полгода, Николай уезжал домой, в «Отрадное». Там с утра до поздней ночи бродил по лесам, полям и болотам, с увлечением охотился и ловил рыбу. Это была хорошая школа подготовки к путешествиям, о чем он уже начинал думать.

Николай Михайлович окончил гимназию одним из лучших. Но как он сам потом говорил, вынес оттуда он «слишком мало». «Слишком мало» потому, что преподавательский состав в гимназии был очень слабый. К тому же множество предметов и

[1] С первой же экспедиции Пржевальский взял за правило включать в свои экспедиционные отряды только военных как людей, более привычных к твердой дисциплине и умеющих владеть оружием, что, как считал он, гарантировало экспедицию от всяких случайностей.

плохой метод преподавания делали невозможным, даже при большом желании, изучить что-либо достаточно хорошо. Не радовала и сама атмосфера в гимназии, где царили грубые нравы и телесные наказания.

Пржевальский окончил гимназию в 1855 году, когда шла Крымская война. Как раз в 1855 году началась Севастопольская кампания. Геройские подвиги защитников Севастополя разгорячали воображение смелого и темпераментного юноши, унаследовавшего эти черты характера от своих прадедов. Николай Михайлович едет в Москву и поступает вольноопределяющимся в один из сводно-запасных полков.

Воевать ему однако не пришлось, мечта о боевых подвигах не сбылась. Вместо всего этого ему пришлось нести тяжелую и безрадостную службу в армии. Пржевальскому как дворянину и вольноопределяющемуся не пришлось испытать участи бесправного рядового солдата николаевской эпохи, обычно крестьянина, оторванного от семьи и хозяйства на целых двадцать пять лет. Но бессмысленная жестокость по отношению к солдатам, тяжелая муштра, вся удушливая атмосфера окружающей среды, где бóльшая часть полковых офицеров была, как их характеризует Николай Михайлович, «негодяи, пьяницы, картежники», произвели на него удручающее впечатление.

Человек морально чистый и с твердым характером, он стоял в стороне от кутежей и картежной игры. Все попытки вовлечь его в это кончались неудачей. А дело доходило до того, что даже ротный командир пытался заставить его пить. Но, получив твердый отказ, с уважением промолвил:

— Из тебя, брат, прок будет.

Единственное, что скрашивало и облегчало жизнь Пржевальского в то время,— это те свободные минуты, когда ему удавалось вырваться на природу. Более чем в других местах, где Николаю Михайловичу приходилось служить, выпадало таких минут, когда их полк стоял близ города Кременец — у восточных отрогов Карпат. Николай Михайлович часто бродил там то по окрестным горам, покрытым густым лиственным лесом, то по лугам и болотам, наблюдая сезонные явления природы и собирая растения для коллекции, твердо уверенный в том, что опыт сбора гербария в свое время пригодится ему.

Мечты же о далеких экспедициях он не оставлял и все время готовился к ним: читал литературу о путешествиях, продумывал возможные пути и маршруты.

Прослужив в армии пять лет, Пржевальский пришел к выводу, что армейская служба не подходит ему, что надо «избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели». Он обратился с рапортом к начальству о переводе на Амур, где надеялся попасть на научно-исследовательскую экспедиционную работу. Просьбу его не удовлетворили. Ответом на нее как за своего рода непоз-

волительное для солдата вольнодумство был трехдневный арест.

Получив отказ, Николай Михайлович не пал духом. Он решил, что теперь единственным для него способом избавиться от службы в полку может быть только поступление в Академию Генерального штаба.

Как человек решительный, Пржевальский начал готовиться к вступительным экзаменам в академию. Дни и ночи сидел он над учебниками, делая особый упор на те предметы, обучение которым в гимназии было поставлено слабо.

Экзамены Николай Михайлович выдержал успешно. А поступив в академию, учился старательно, не жалея ни сил, ни времени, полностью выполняя все требования программы. Но с наибольшим интересом и усердием он занимался историей, географией и некоторыми другими предметами, которые могли быть ему полезны на исследовательской работе.

По окончании академии весной 1863 года, получив чин поручика, Николай Михайлович попадает полковым адъютантом... в тот же самый полк, в котором служил до поступления в академию. Но и штабная служба в полку, как в свое время строевая, быстро разочаровала его. Поэтому, чтобы подальше быть от угнетавшей его служебной обстановки, в свободное время Николай Михайлович уходил на охоту или читал книги, а иногда брал отпуск и проводил его в «Отрадном», где занимался охотой и изучением зоологии, ботаники и чтением книг о путешествиях.

Как и многих других, мечтавших об экспедициях в дальние страны, Пржевальского влекла к себе Африка, по неисследованным дебрям которой ходил в те годы знаменитый путешественник и гуманист англичанин Ливингстон. Однако от России Африка была далеко: Организация экспедиции туда стоила огромных денег, которых у Пржевальского с его скромным жалованием поручика, конечно, не было. Не имел он пока основания рассчитывать в этом и на чью-либо помощь. Словом, он понимал, что Африка как была, так и останется несбыточной мечтой. Прекрасно зная историю географических открытий, Николай Михайлович не без основания решил, что есть другое, не менее интересное, пожалуй, место, где он с успехом может приложить свои силы и знания. Это была Азия с ее неоглядными суровыми пустынями и нагорьями, знания о внутренних областях которой со времен Марко Поло продвинулись совсем ненамного.

Была Азия, где у берегов Японского моря раскинулись новые владения России — Уссурийский край, известный науке лишь в общих чертах. Край, который русскому народу предстоит осваивать. Там и можно будет попытать свое счастье.

Остановившись на этом решении, Пржевальский сразу же перестроил систему своих занятий, направив все усилия на изучение специальной географической литературы об Азии. На-

стольными книгами теперь у него стали такие замечательные географические произведения, как «Азия» Карла Риттера и «Картины природы» Александра Гумбольдта — труды двух крупнейших географов, его современников.

Одновременно Пржевальский предпринимает решительные шаги к тому, чтобы освободиться от службы в полку и перебраться в какой-нибудь значительный культурный центр, где можно было бы всерьез заняться пополнением своих знаний, целиком отдаться подготовке к путешествиям в неведомые науке страны.

В конце 1864 года в судьбе Пржевальского благодаря помощи друзей происходит крутой поворот: он получает назначение в Варшавское юнкерское училище на место преподавателя истории и географии.

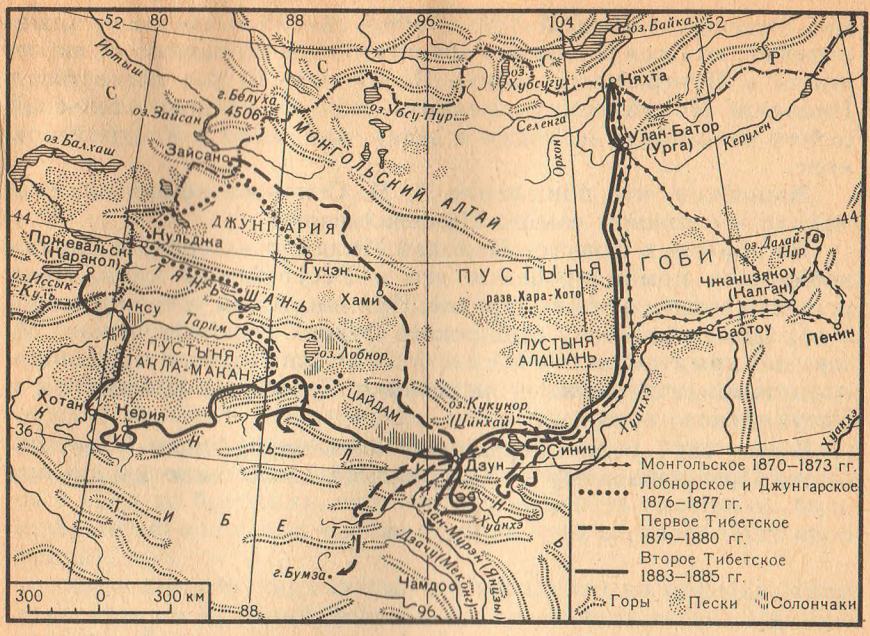
«Здесь,— пишет Николай Михайлович в своем автобиографическом очерке,— в течение 2-х лет и нескольких месяцев я, в уверенности, что рано или поздно, но осуществлю заветную мечту о путешествии, усиленно изучал ботанику, зоологию, физическую географию и пр., а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публично лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров... Вставал я очень рано и почти все время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия».

Весь период пребывания в Варшаве был для Пржевальского одним из самых счастливых в жизни. Из угнетавшей его среды армейских кутил и картежников он попал в среду культурных и образованных людей с широким кругом интересов. Здесь в полной мере раскрылся его талант как блестящего лектора, что очень способствовало росту его авторитета и уважения к нему как в юнкерском училище, так и со стороны варшавской научной общественности.

Деятельность Пржевальского как преподавателя истории и географии и как лектора имела еще и то немаловажное значение, что способствовала развитию у него литературного дарования. Благодаря этому качеству написанные потом Пржевальским отчеты о путешествиях отличались высокими литературными достоинствами, стройностью плана, логикой и простотой изложения даже самых сложных научных вопросов.

Варшавский период жизни принес Николаю Михайловичу радость и потому, что здесь он получил, наконец, возможность свободно заняться подготовкой к путешествиям, тщательно изучая всю текущую научную литературу.

Здесь кстати будет сказать, что своими обширными знаниями географии, ботаники, зоологии, своей начитанностью и общим широким кругозором Пржевальский обязан почти исключи-

Схемы путешествий Н. М. Пржевальского.

тельно самому себе. Он все время совершенствовал свое образование, пополняя знания в первую очередь в таких областях науки, которые были ему нужны для будущей экспедиционной работы. Он был самоучка в полном и хорошем смысле этого слова. Самоучка на редкость способный, настойчивый и необычайно целеустремленный. Все его действия и помыслы были подчинены только одной цели — сделаться профессиональным путешественником, исследователем малоизвестных науке стран.

Несмотря на то что жизнь и работа в Варшаве в целом доставляла ему радость, Пржевальский понимал все же, что работа в юнкерском училище закрывает ему путь к экспедиционной деятельности. И он опять стал ходатайствовать о переводе в Генеральный штаб, откуда и мог только получить направление в Восточносибирский военный округ, в подчинении которого находились и дальневосточные владения России.

Благодаря поддержке некоторых видных военных деятелей, хорошо знавших и ценивших его, Пржевальский, наконец, получил назначение в Восточную Сибирь. Это произошло в конце 1866 года.

А в начале 1867 года, перед самым отъездом в Сибирь, Николай Михайлович встретился в Петербурге со знаменитым русским путешественником П. П. Семеновым (впоследствии Тян-Шанским)— председателем Отделения физической геогра-

фии Русского географического общества. Семенов очень одобрительно отнесся к смелым проектам Пржевальского об экспедиции в Центральную Азию. Но на первый раз посоветовал Николаю Михайловичу проявить себя на исследовательской работе где-нибудь поближе к дому, например в Уссурийском крае.

Напомним, что пожелание П. П. Семенова полностью совпадало и с планом самого Пржевальского.

По приезде в Иркутск Николай Михайлович сразу же начал добиваться командирования его в Уссурийский край. Пока решался вопрос о командировке, Пржевальский успел привести в порядок библиотеку Сибирского Отдела Географического общества; при этом он изучил все библиотечные книги и рукописи по истории, географии и экономике Приморья, Приамурья и Уссурийского края.

В мае 1867 года оформление командировочного удостоверения Пржевальскому в Уссурийский край было закончено.

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

«Дорог и памятен для каждого человека день, в который осуществляются его заветные стремления...» — писал Пржевальский, когда выезжал в Уссурийский край, в свое первое в жизни путешествие. Наконец-то счастье улыбнулось ему! Он был «рад до безумия», что едет «исследовать местности, большей частью в которых еще не ступала нога образованного европейца».

Здесь следует напомнить, что незадолго до приезда Пржевальского на Дальний Восток, там произошли важные исторические события: окончательное разграничение земель между Россией и Китаем. Уссурийский край был признан владением России.

Из всех дальневосточных владений России, земли в Уссурийском крае, несмотря на общий гористый характер, были наиболее удобны для заселения и хозяйственного освоения. Вполне понятен поэтому большой интерес, который проявляла к ним общественность страны, в частности Русское географическое общество, порекомендовавшее Пржевальскому для начала испытать свои силы как исследователя в Уссурийском крае, этом исключительно интересном для ученых районе земли, расположенном в таких же широтах, что и Южная Европа, но очень отличающемся от нее своим климатом, флорой и фауной.

Командировку в Уссурийский край Николай Михайлович получил в Иркутске, куда прибыл из Петербурга в конце марта (начале апреля по н. ст.) 1867 года. Ровно через месяц после выезда из Иркутска он добрался до Хабаровки (ныне г. Хабаровск), расположившейся на правом берегу Амура. Отсюда и начиналось его путешествие.

Случилось так, что Пржевальский был вынужден избрать водный маршрут, а не сухопутный. Это очень ограничивало его действия, привязывая к реке, к лодке и затрудняя необходимые боковые экскурсии. Но иного выхода не было.

Дело в том, что в июле, когда Николай Михайлович вышел в поход, в Приамурье и Уссурийском крае начался период

проливных дождей и сильных наводнений. По всем тропам — единственным сухопутным путям, связывавшим тогда казачьи станицы — основные населенные пункты и близ Хабаровки — по Амуру и далее, уже по самой Уссури,— нельзя было пройти ни пешком, ни верхом на лошади, поскольку все эти тропы были проложены по заливным лугам.

Плавание Пржевальского от Хабаровки до станицы Буссе — конечного пункта в верхнем течении Уссури — продолжалось 23 дня. И почти все время под дождем. Случалось, что из-за наводнения Николай Михайлович и его товарищ — препаратор Николай Ягунов — целый день не могли выйти из лодки. Но стоило погоде чуть улучшиться, как они сразу же выбирались на берег и вели необходимые наблюдения, собирали растения для гербария и стреляли птиц, чтобы делать потом чучела.

В то время, когда Пржевальский и Ягунов шли по берегу, их помощники-гребцы, которых попеременно брали в попутных станицах, продвигались вперед на лодке.

По мере продвижения вверх по Уссури изменялся и общий вид ее берегов, так что по ним можно было приблизительно определить границы нижнего, среднего и верхнего течения. В нижнем течении преобладает широко раскинувшаяся, особенно на левой стороне, почти совсем плоская равнина с множеством больших и малых озер, разделенных едва приподнятыми возвышенностями или, чаще, узкими и длинными увалами, так называемыми релками.

Очень живописны эти озера с зарослями чилима и кувшинки в пору цветения трав, когда на их заболоченных окраинах цветут сначала — весной — касатик, сплошь заливающий все окружающее пространство красивым голубым цветом, а потом — в летнее время — гигантский мытник, который образует вокруг озерной глади яркое обрамление из великолепных розовых цветов.

В зависимости от рельефа, почв и увлажненности растительность левобережной равнины сильно меняется. Если в заливаемых половодьем низинах господствует высокий (свыше 2 м) пурпурный вейник, то на возвышенных участках можно уже увидеть заросли таволги, шиповника и даже отдельные группы дуба, липы, березы, осины. Еще больше древесной и кустарниковой растительности встречается на релках, где почвы сухие и где произрастает множество лилий (красивой и даурской), пионов, крестовника, красоднева малого, подмаренника, повилики и др.

На правой стороне Уссури равнина имеет отчасти лесистый, отчасти луговой характер и не так обширна, так как часть ее занимает хребет Хехцир, стоящий близ места впадения Уссури в Амур. Этот хребет невелик по размерам и по высоте (до 1200 м), но замечателен своими богатыми по видовому составу лесами, в которых вперемешку растут представители как север-

ной, так и южной флоры. К первым относятся кедр, ель, пихта, лиственница, а ко вторым — ильм, липа, ясень, клен, дуб, грецкий орех, пробковое (бархатное) дерево. Очень разнообразен состав и подлеска, в котором можно встретить лещину, жасмин, сирень, калину, жимолость, элеутерококк (аралия маньчжурская).

В среднем течении берега Уссури гористы, с часто подступающими к воде или прямо обрывающимися в воду высокими скалами. Только кое-где горы отступают в сторону. Леса здесь состоят из тех же пород, которые упоминались, когда речь шла о хребте Хехцир, но тут к ним примешиваются яблоня, черешня, осина, черная береза.

Чем дальше от реки, тем леса становятся гуще и величественнее. Но стоит только спуститься с гор, как сразу появляются непроходимые заросли вейника, многочисленные озера с тростником и кочками, поросшими осокой, то есть «...те страшные трущобы, которыми так богато нижнее течение Уссури и через которые в иных местах совершенно невозможно пробраться»,— замечает Пржевальский.

В верхней части долины Уссури, как и в нижней, тоже господствуют равнины: на левой стороне — заболоченные, простирающиеся до самого озера Ханка, а на правой — поросшие лесом.

Плавание по верхней Уссури доставило Пржевальскому немало приятных минут, что связано было в первую очередь с улучшением погоды. Особенно радостным было утреннее время, когда была безоблачная, тихая погода. В воздухе беспрерывно сновали беспокойные крачки, ежеминутно бросаясь к воде, чтобы подцепить себе на завтрак рыбу. По берегу важно расхаживали серые цапли, а по песчаным откосам бегали мелкие кулички и то и дело с одной стороны на другую перелетали многочисленные стаи уток.

Но все выше и выше поднималось солнце и с каждым часом становилось все жарче. Один за другим смолкали голоса птиц. «Зато оживает мир насекомых,— пишет Николай Михайлович,— и множество бабочек порхает на песчаных берегах реки». Среди них он выделяет как самую красивую и вместе с тем самую осторожную *Papylio Maacki*, в ладонь величиною и превосходного голубого цвета с различными оттенками». Но вместе с бабочками, досадует путешественник, «появляются тучи мучающих насекомых, которые в тихие дни не прекращают свои нападения в течение суток».

Постепенно жара спадает, наступает вечерняя прохлада. Пора думать и о ночлеге, для которого всегда старались подыскать сухое место на песчаном берегу.

Пока казаки устраивали бивуак и готовили ужин, Пржевальский и Ягунов занимались своими делами. А дел всегда было много: надо было просушить собранные для гербария растения, сделать два-три чучела птиц, записать в дневнике

все интересное и важное, что удалось увидеть в течение дня...

Но вот и станица Буссе, расположившаяся в 12 верстах выше места, где в Уссури впадает река Сунгача — единственная река, вытекающая из озера Ханка.

Вверх по Сунгаче до озера Ханка Пржевальский поднимался на небольшом рейсовом пароходе. Сунгача оказалась очень интересной рекой. При ширине 40—60 м она имеет глубины от 4 до 10, а местами даже до 20 м. Причем большие глубины начинаются прямо у берега, так что ложе этой реки можно сравнить с глубокой каньонообразной промоиной. Любопытно при этом то, что при таком глубоком и узком ложе Сунгача на всем протяжении по прямой — около ста верст — делает очень крутые, как восьмерка, излучины, которые удлиняют путь по реке почти в три раза.

В низовьях Сунгача течет по слабо приподнятой равнине, покрытой во многих местах лесом, преимущественно дубовым, в верховьях же — по заболоченной, очень унылой местности. Унылый ландшафт этой низменности иногда вдруг оживляется появлением нелюмбии (лотоса), растущей на прибрежных озерах и в заливах Сунгачи. У нелюмбии, близкого родственника виктории-регии, большие (в диаметре более 70 см) круглые кожистые листья ярко-зеленого цвета и огромный (при развернутых лепестках до 25 см в диаметре) великолепный розовый цветок.

Жизнь на Сунгаче и ее берегах бьет ключом. Часто чуть не из-под колес парохода взлетали утки и цапли. Бакланы, несмотря на свою осторожность, подпускали к себе шагов на пятьдесят и лишь после этого поднимались в воздух. Даже очень пугливые журавли, изредка ходившие парами по окрестным болотам, и те при виде парохода не улетали, а только, глядя ему в след, что-то взволнованно кричали. Раза два-три Пржевальский видел на берегу осторожную козу (косулю), пришедшую на водопой, а один раз даже медведя.

Плавание на пароходе при наступившей к этому времени хорошей, безоблачной погоде воспринималось Пржевальским после трудного похода по Уссури на лодках как приятный и заслуженный отдых. Да и сама окружающая природа — неширокая река среди безлюдных равнин с непуганым царством животных и птиц имела для него, как он говорит, «особенный и привлекательный характер, которого, конечно, нельзя уже нигде найти в Европе».

К сожалению, отдых был недолгим — на третий день путешественник был уже у берегов озера Ханка.

Площадь озера, окруженного с трех сторон — южной, восточной и северной — непроходимыми болотами, довольно значительна — свыше 4000 км^2. Но глубина всего 1—3 м. И только где-то на середине достигала 10 м или чуть больше. Даже при не очень сильном ветре оно сразу становилось бурным, опасным

для судоходства. Но если его мелководье опасно для плавания судов, то для обитания там рыбы ничего лучшего и не надо. Неглубокие, хорошо прогреваемые воды, а также песчано-илистое дно и болотистые берега озера исключительно благоприятны для обитания и нереста рыбы.

В озере Ханка обитает более трех десятков различных видов рыбы, в том числе таких особенно ценных, как лососевые и осетровые. Причем отдельные экземпляры осетров достигают иногда трех-четырех пудов (48—64 кг), а калуга — рыба рода белуг семейства осетровых — даже тридцати пудов (полтонны) при длине более 4 м.

Самый сильный ход рыбы на нерест в озеро Ханка наблюдается с конца апреля, когда озеро освобождается от льда. Гигантское рыбье стадо, собравшееся в широкой полноводной Уссури, затем попадает в узенькую Сунгачу, в результате чего в мае эта река буквально кишит рыбой. При этом нередко наблюдаются удивительные случаи. «Я сам был свидетелем,— пишет Николай Михайлович,— как однажды на истоке Сунгачи сазан в 18 фунтов (более 7 кг) весом вскочил на палубу парохода, прямо под стол, на котором пассажиры пили вечерний чай».

Конец лета и начало осени 1867 года Пржевальский провел на берегах озера Ханка, занимаясь переписью крестьян и изучением местной природы, с особым удовольствием, как всегда,— жизни птиц. Отсюда он направился на юг — в Новогородскую гавань (залив Посьет), пересекая по пути холмистую степную местность Приханкайской равнины.

Ханкайские степи, замечает путешественник,— самое лучшее во всем Уссурийском крае место для будущих поселений. Здесь хорошие почвы и прекрасные пастбища с богатым травяным покровом. И что еще очень важно — Ханкайские степи не подвергаются наводнениям.

Густые степные травы служат надежным прибежищем для множества птиц: фазанов, перепелов, жаворонков и для дрофы, которая нигде больше в Уссурийском крае не встречается.

Обследованием берегов Японского моря Пржевальский занимался в течение осени и зимы 1867 года. Он тщательно изучил особенности важнейших заливов, бухт и гаваней побережья, проанализировал и сравнил возможности их использования для стоянки судов, а также их значение для экономического развития края.

В Новогородской гавани путешественник провел около месяца, а затем, не уклоняясь далеко от берега, с небольшим караваном лошадей направился на восток, чтобы познакомиться с малоизвестной частью Южноуссурийского края. Весь этот маршрут проходил в трудное зимнее время по горным тропам сначала (на юге) Пограничного хребта, а затем восточных отрогов Сихотэ-Алиня.

Горы на всем пути, особенно в стороне от береговой полосы,

сплошь покрыты дремучими лиственными лесами, в которых обитают дикие козы, пятнистые олени, антилопы (очевидно, небольшой горный баран), изюбри, кабаны, барсуки, медведи, енотовидные собаки, барсы, рысь, дикая кошка и тигр — главное украшение тайги: могучий, красивый зверь с массивным, но гибким телом и длинным хвостом.

«Я видел однажды шкуру самца,— пишет Пржевальский,— которая имела с хвостом одиннадцать с половиной футов (3,4 м) длины. Из этой общей цифры на долю туловища приходилось восемь футов (2,4 м) и три с половиною на хвост (106 см)».

Первобытная Уссурийская тайга буквально очаровала Пржевальского, любившего одинокие прогулки по тайге. «Кругом не видно ни малейшего следа руки человека: все дико, пустынно, не тронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что и эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной...»

Из всех береговых долин (долины рек, сбегающих с южного и восточного склонов Сихотэ-Алиня к морю) больше всех понравилась Пржевальскому долина Сучана, где он тоже проводил перепись крестьян. Длина ее более 60 км. С трех сторон она окружена высокими и крутыми горами и открыта только в сторону моря. Почвы здесь плодородные и при плоском, как стол, рельефе дна долины очень удобны для возделывания. Одна из достопримечательностей Сучанской долины — необыкновенное обилие фазанов, которые держатся близ человеческого жилья и «немилосердно истребляют всякий хлеб и даже картофель»,— выражает свое удивление Пржевальский.

От Сучана Пржевальский направился к бухте Ольги. Тропа вилась по дремучей тайге поперек боковых отрогов Сихотэ-Алиня и то круто поднималась на высокие горы, то спускалась вниз или даже шла вброд по морю в обход обрывистых скал. Часто в тихих пустынных заливах моря Николай Михайлович видел китов, с шумом выпускавших свои фонтаны, и все время любовался угрюмо нависшими над морем высокими утесами, у подножия которых вечно пенились буруны «сердитого океана».

Проведя в бухте Ольги необходимые наблюдения и перепись крестьян, он прошел затем на северо-восток до устья реки Тазуши, сбегающей с восточного склона Сихотэ-Алиня к Тихому океану. На всем пройденном пути, начиная от залива Посьет, растительность была довольно бедной и однообразной (дубовый лес), и только с приближением к бухте Ольги чаще стали попадаться кедры и ели, и то главным образом на северных склонах гор.

Такой же лес тянется и вверх по долине Тазуши. Но в ее верховьях он сменяется хвойными породами с примесью дуба, липы, березы, ильма. Здесь леса стоят сплошной стеной — настоящая первобытная тайга, населенная множеством диких зверей, в том числе соболями. Эта тайга переходит и на запад-

ный склон Сихотэ-Алиня, по которому путешественник спустился в бассейн верхней Уссури.

В середине января 1868 года Пржевальский вернулся в станицу Буссе, завершив очень трудное зимнее путешествие, продолжавшееся почти три месяца, в течение которых было пройдено по горным тропам с пересечением Сихотэ-Алиня 1140 км. Всего же он прошел с начала экспедиции 2250 км.

Снова Николай Михайлович оказался на берегах озера Ханка. Скучными и пустынными выглядели они в зимнее время. Скучными и пустынными были и равнины Сунгачи. Кругом мертвая тишина. Лишь изредка со свистом пронесется несколько уток гоголей, зимовавших на открытых участках Сунгачи, или покажется стая тетеревов. Иногда вдруг появится также снежная сова, зачем-то прилетавшая из родной северной тундры в эти отдаленные края. Немного здесь было в эту пору и зверей: лисица, барсук, енот, ласка, хорек.

В начале февраля жизнь начинает пробуждаться. Появляется орлан белохвостый, затем как вестники приближающейся весны лебеди-кликуны, откуда-то с недосягаемой высоты оглашающие своим «громким, гармоническим звуком» безмолвие пустынной равнины. Следом за ними прибывают бакланы, а потом и самые нетерпеливые из голенастых — даурский и уссурийский журавли.

Прилет птиц между тем продолжается. Каждый день прилетают все новые и новые. Тут и хищники — сокол пустельга, ястреб тетеревятник, черный коршун, а также утки кряквы, косачки, цапли, чайка сизая, гусь сухонос, красноногий ибис — нарядный и красивый южанин, не испугавшийся еще довольно крепких ночных морозов. С середины двадцатых чисел марта идет уже валовой прилет. А в начале апреля еще недавно безмолвные равнины становятся неузнаваемыми. Они оглашаются громкими криками журавлей, кряканьем бесчисленных уток, гоготаньем гусей, свистом куликов, песней жаворонков, токаньем тетеревов, писком чибисов. Волна перелетных птиц все нарастает и нарастает.

Вскоре начинается также ход диких коз, совершающих осенью и весной периодические переселения из бассейна Уссури на юг и обратно.

В летние месяцы 1869 года Пржевальский работал в западной и южной частях Ханкайского бассейна. Он ходил там по горам и долинам или на лодке по рекам и речкам, отыскивая в этом крае новые пути сообщения. Но Николай Михайлович не ограничивался выполнением данного ему задания. Он по-прежнему ведет тщательные наблюдения за жизнью птиц и животных, записывает в дневнике все, что касается климата и погоды края, изучает возможности тут хлебопашества и скотоводства.

Время летит быстро... «Минул июль, а вместе с ним кончились и мои золотые дни!— с грустью записал в своем дневнике путешественник. — Переплыв на пароходе озеро Ханка, я вновь очутился... на истоке Сунгачи, откуда утром следующего дня должен был ехать на Уссури, Амур и далее через Иркутск в Россию».

Так закончилось путешествие Н. М. Пржевальского по Уссурийскому краю.

Путешествие Николая Михайловича по Уссурийскому краю оказалось очень плодотворным. И хотя он не был первым ученым, ступившим здесь на землю, но будет вполне справедливо, если мы именно его назовем первым исследователем этой части русского Дальнего Востока. Ведь именно Пржевальский охватил своими маршрутами не только те районы, которые до него посетили другие русские путешественники, но и места, где никто из них до него не был. Он обследовал еще западное и южное побережье озера Ханка, прошел большой и трудный путь от залива Посьет до устья реки Тазуши не морским путем, как его предшественники, а сушей по труднодоступным горно-лесным тропам. Ему два раза удалось пересечь хребет Сихотэ-Алинь. Николай Михайлович произвел топографическую съемку сложной по своему рельефу местности, начиная от бухты Находки до реки Тазуши, и нанес на карту восточный склон хребта Сихотэ-Алинь.

Пржевальский привез из Уссурийского края прекрасную, богатую коллекцию, в которой насчитывается около 300 видов растений (всего 2000 экземпляров), 310 чучел птиц, 10 шкур млекопитающих, 550 штук яиц 42 видов птиц и 83 вида семян различных растений. Ему посчастливилось открыть для науки обитающего в Уссурийском крае черного зайца и новое пальмовидное растение — диморфант.

Пржевальский собрал по строгой научной системе большой по объему фактический материал и дал первое обстоятельное географическое описание Уссурийского края. Ему принадлежат очень интересные и важные обобщения и выводы, помогающие понять главнейшие природные закономерности и особенности природы этого края, сильно отличающие его от расположенных в таких же широтах районов Европы.

Первостепенное значение при этом имеют метеорологические наблюдения, которые Пржевальский, несмотря на все трудности, систематически проводил три раза в день в течение 15 месяцев.

Рассматривая главные черты климата Уссурийского края, он говорит, что, несмотря на его довольно южное положение, между 42 и 48° с. ш. климат в Уссурийском крае гораздо более суровый, чем климат соответствующих по широте местностей не только Западной, но и Восточной Европы. Средняя годовая

температура в Уссурийском крае близка, например, к той, что наблюдается в городах на востоке европейской части России, лежащих на 10—15° севернее. А зимняя средняя температура почти на 4° ниже чем в Архангельске под 64° с. ш.

Для Уссурийского края характерны долгая и холодная зима, делает вывод Николай Михайлович, ясная осень и поздняя весна. Это климат, несмотря на приморское положение края, скорее континентальный, чем морской, заключает он. Вместе с тем дождливое и туманное, хотя и жаркое, лето делает его одновременно похожим на климат приморских стран.

Причину большой суровости уссурийского климата Пржевальский справедливо объясняет неблагоприятным влиянием Японского моря с его холодным течением у материкового берега, направлением господствующих ветров, не способствующих смягчению отрицательного влияния этого течения, и, наконец, «невозделанностью страны», покрытой болотами и дремучими лесами, которые (леса и болота), задерживая и храня влагу, ведут к обилию дождей.

В свою очередь особенности климата обусловили и удивительное своеобразие растительного и животного мира в Уссурийском крае, неповторимое сочетание северных и южных форм, о чем так ярко и образно пишет Пржевальский: «Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии».

Одним из пунктов командировочного удостоверения Пржевальскому предписывалось собирать сведения о численности и состоянии населения Уссурийского края.

По своим интересам и подготовке Николай Михайлович был ярко выраженным исследователем природы. Однако и экономико-статистические исследования он выполнил очень хорошо, значительно расширив при этом границы официального задания. Фактически он дал первую сравнительно широкую и очень правдивую картину социально-экономического состояния Уссурийского края с интересными бытовыми и этнографическими зарисовками.

Пржевальского поражают щедрость природы и огромные естественные богатства Уссурийского края и вместе с тем крайне бедственное положение трудового люда — как русского, так и коренного местного населения. И пишет об этом он не как равнодушный статистик, говоря словами Маяковского, «чувств никаких не изведав», а с глубоким возмущением, желанием

разобраться в причинах их бед и несчастий и намерением подсказать пути, которые могли облегчить их жизнь.

Все это заставляет нас относиться к описанию Пржевальским сельского хозяйства, промыслов, жизни и быта разноликого и разноплеменного населения Уссурийского края, как к очень интересному и ценному историческому документу.

Русское население Уссурийского края в те времена было еще очень малочисленным. В основном это были переселенные из Забайкалья казаки — несколько более 5000, затем крестьяне — 214 семейств, или 1259 человек — мужчин и женщин. К крестьянам относили (подселяли) и некоторое количество отставных солдат, матросов, а также отбывших срок каторжников. Казаки были расселены в трех десятках станиц по правому берегу Амура, но главным образом по Уссури, а крестьяне — в 13 деревнях, иногда совсем крошечных, возникших на западном берегу озера Ханка, в степной полосе, в Сучане, в окрестностях бухты Ольги и в некоторых других местах побережья.

Край обширный и богатый, но население его, по численности хотя и небольшое (включая и русских, коренных, и приходящих со стороны), страшно бедствует. Бедствует потому, что природные богатства края использовались, как следует из наблюдений Пржевальского, или хищнически, или неумело при полном равнодушии тех, кому по долгу службы надо было бы заботиться об их успешном и разумном освоении. Замечательные дубовые леса безжалостно валили приходившие со стороны промысловики, чтобы через год-два с гниющих древесных трупов собирать грибы. Охота на диких зверей велась самым варварским способом. Чтобы выгнать животных из укрытий, новопоселенцы поджигали траву, не считаясь с тем, что множество зверей при этом погибало в огне и, кроме того, горел ценный лес. Очень плохо велось и освоение земель под пашню. Из-за недостатка опыта земледельцы не могли приспособиться к местным условиям, поэтому хлеба у них, с весны всегда хорошие, летом погибали от избытка влаги или их гноило дождем или поедал червь.

Более всего поражало Пржевальского страшно бедственное положение уссурийских казаков. На Уссури они были переселены в 1858—1862 годах из Забайкалья. Волей-неволей они вынуждены были покидать родные места и отправляться в далекий и незнакомый край. Только богатые могли отделаться от этой ссылки, наняв вместо себя какого-нибудь бедняка.

«Разумеется, продавать себя в этом случае соглашались только одни бобыли, голь, которые явились нищими и в новый край, — пишет Николай Михайлович.— Притом даже и те, — поясняет он затем, — которые были побогаче, забрали с собой достаточно скота и разного имущества, и те большей частью лишились всего этого от различных несчастных случаев в продолжение трудной и дальней дороги».

Насильное переселение так тяжело переживалось переселенцами, что породило у них какой-то прямо-таки враждебный взгляд на их новые земли.

«Как прежде, так и теперь везде на Уссури слышны горькие жалобы на разные невзгоды и тоскливые воспоминания о прежних местах»,— читаем мы у Пржевальского.

«Какое тут жилье,— жаловались ему казаки,— зимой есть нечего, с голоду умирай, а летом от гнусу (мошка, оводы, комары) ни самому, ни скотине деваться некуда».

Каждый год с середины зимы бóльшая часть населения, чтобы не погибнуть с голоду, получала от казны (от государства) заимообразно некоторое количество хлеба, к которому при выпечке подмешивались семена различных сорных трав, а иногда и глина. Главным подспорьем к этому был кирпичный чай, который заваривали с солью, или бурдук — разболтанная в теплой воде ржаная мука. Но у многих из-за отсутствия бурдука и чая на столе была так называемая шульта — отвратительный напиток, приготовленный из высушенных гнилушек березы или дуба.

Борьба с голодом и различными невзгодами отражалась и на облике людей. «Бледный цвет лица, впалые щеки, выдавшиеся скулы, иногда вывороченные губы, по большей части невысокий рост и общий болезненный вид — вот характерные черты физиономии этих казаков»,— с горечью и болью в сердце пишет в своем дневнике Николай Михайлович.

«Не увидите вы здесь красивого великорусского мужика, с его окладистой бородой, или молодого краснощекого парня,— продолжает путешественник. — Нет! Сами дети казаков, живой тип своих отцов,— какие-то вялые, неигривые. Ни разу не слыхал я на Уссури русской песни, которая так часто звучит на берегах Волги; не запоет ямщик, который вас везет, про «не белы снеги» или про что-либо другое в этом роде; нет даже здесь обычного русского покрикивания на лошадей; а какое-то особенное, вроде: цсши, цсши, цсши... которое произносится тихо, вполголоса и так звучит неприятно, что иногда мороз дерет по коже».

Из всех русских деревень, возникших к тому времени в Уссурийском крае, лишь в трех деревнях, что были основаны на западных берегах озера Ханка выходцами из Воронежской, Тамбовской и Астраханской губерний, положение, по заключению Пржевальского, было довольно благополучным. Крестьяне этих деревень занимаются хлебопашеством и огородничеством, выращивают арбузы и дыни, держат быков, на которых производят обработку полей, начинают разводить овец, постепенно осваивают рыбный промысел.

Быт крестьян и здесь, на далекой чужбине, тот же самый, что и в Центральной России, откуда они принесли с собой все

родные привычки, поверья и приметы. Все праздники они отмечают аккуратно, как это было и на родине. Каждое воскресенье на улицах деревень «можно увидеть наряженных парней и девушек, которые спешат к обедне в церковь, там, где они выстроены, гуляют по деревне, однако,— оговаривается Пржевальский,— песни случается слышать очень редко».

Что касается остальных деревень, то почти все они очень бедные. Из-за нищеты и неблагоустроенности они производят иногда очень тяжелое впечатление, так как избы многих поселенцев «стоят или без крыши, или ободранные и грязные».

Когда читаешь эти строки, написанные немногим более ста лет назад Пржевальским, то вновь и вновь недобрым словом поминаешь нерадивых царских чиновников, упоминавшихся и самим путешественником,— прямых виновников бедственного положения русского населения в Уссурийском крае. В самом деле, можно ли было заселять, да еще насильно, новые земли на Дальнем Востоке России выходцами из центральных районов страны и казаками из Забайкалья, где земледельцы привыкли бороться с недостатком воды, а не с избытком ее? Или так ли необходимо было подселять к крестьянам сотни непривычных к хлебопашеству солдат-штрафников; к тому же бессемейных и зачастую развращенных нетрудовой жизнью? И тем более подселять к крестьянам каторжников, давно оторвавшихся от земли, а то и вовсе незнакомых с трудом пахаря?

Очень интересно и живо описал Пржевальский жизнь коренных жителей Уссурийского края — гольдов и орочей, пребывавших в то время в нищите, бесправии и темноте. Он со знанием дела рассказывает об их хозяйстве, общественном и семейном укладе, дает запоминающиеся картины быта.

Все это имеет немалую научную ценность. И, помимо того, дает нам возможность при сравнении по-настоящему, полнее и глубже, понять, какие огромные перемены произошли за годы Советской власти в судьбах гольдов и орочей. Этих небольших по численности народов нашей Родины, которые не только давно позабыли, что такое бесправие и нищита, но вместе со всеми другими, тоже отсталыми прежде малыми народами страны приобщились к высокой социалистической культуре.

Некогда сплошь неграмотные, они имеют теперь свою интеллигенцию. В ее рядах можно увидеть даже их национальных писателей и художников, широко известных в Советском Союзе, таких, как писатель-нанаец Григорий Ходжер или художник, тоже нанаец, Андрей Бельды.

Гольдов и орочей Николай Михайлович описывает с большой любовью и симпатией. Гольды (современное название — нанайцы, то есть люди земли), по его описаниям, от природы добродушны, очень любят детей, которые отвечают родителям не менее горячей привязанностью.

Все дела гольды решают сообща, по доброму согласию. Женщины в совещаниях мужчин не участвуют. Зато в семейном быту как мать и хозяйка дома женщина пользуется почти одинаковыми с мужчинами правами, хотя и находится у них в подчинении.

«Вообще гольды добрый, тихий и миролюбивый народ, которому от души можно пожелать лучшей будущности»,— с ноткой грусти говорит Пржевальский, наблюдая их нелегкую, бесправную и полную лишений жизнь.

Расселены гольды по берегам Уссури и некоторых ее притоков, а также по нижнему течению Амура. Деревушки у них маленькие, всего от трех до десяти домов. Дома глинобитные, четырехугольные в плане, с крутой двускатной крышей. При доме всегда имеется амбар для хранения сушеной рыбы, устроенный в целях защиты от крыс рыбных запасов на деревянных стойках.

Главное занятие гольдов летом, а также весной и осенью — рыболовство, зимой — охотничий промысел, преимущественно на соболя.

Способы рыбной ловли очень разнообразны и по-своему необычны. В весеннее время, например, когда оканчивается ледоход и ход шуги, когда рыба идет плотным косяком вверх по реке на нерест, ее ловят снастью из голых крючков. Расчет построен на том, что, задев за голый крючок и пытаясь освободиться, рыба засядет на нем еще крепче и, помимо того, будет зацеплена другими крючками, после чего уйти ей будет уже совсем трудно. Такой способ рыбной ловли возможен, конечно, только в том случае, если рыба идет буквально вплотную друг к другу.

В полую весеннюю воду пользуются круглой снастью, которая сразу же смыкается, если потянуть за веревку. Осенью же, при малой воде, применяют невод.

Летом рыбу промышляют преимущественно острогой в виде трезубца, насаженного на длинное (до 2 м) древко. Сам трезубец устроен так, что, вонзившись в рыбу, легко соскакивает, но рыба уйти все равно не может, так как трезубец веревкой привязан к другому концу древка.

Проводя на воде бóльшую часть жизни, гольды создали для себя очень удобную лодку — оморочку. Она сделана из тонких, но крепких палок, обтянутых берестой. Длина ее 5—6 м, но она очень легка и послушна на ходу. Под уверенною рукою гольда, который гребет одним длинным веслом на обе стороны, оморочка «летит как птица». Если же быстро идти нет нужды, то гольд берет два маленьких весла вроде лопаток и неторопливо гребет ими.

Самая горячая пора рыбной ловли в Уссурийском крае бывает в середине сентября, когда вверх по реке идет на нерест кета (рыба из рода тихоокеанских лососей). Именно в это время

гольды запасают ее на весь год, как для себя, так и для своих собак, которых держат для охоты и зимней езды по снегу.

Приготовлением рыбы на зиму занимаются женщины. Каждую рыбину они разрезают пополам и, не посолив, вывешивают сушить на солнце. Такая высушенная на солнце рыба называется у них юколой.

В отличие от гольдов русские поселенцы не сушили, а засаливали кету. В соленом виде она вкусом очень похожа на семгу, только несколько грубее.

Другой важный промысел, которым занимаются гольды,— звероловство, в первую очередь охота на соболей. Охотничий сезон начинается с первым снегом и продолжается всю зиму. На охоту гольды уходят в горы Сихотэ-Алиня.

Гольды — отличные охотники и, как правило, добывают немало соболей, охота на которых требует большого искусства и терпения.

В зависимости от того, удачным или неудачным был год для промысла, каждый охотник добывает к концу зимы от 5 до 20 соболей. Это — настоящее богатство. Но так уж сложилось, что всю свою добычу охотник должен был отдавать торговцу по цене, которую тот назначит. Отдавать за порох и свинец, соль и табак, просо и водку, загодя взятые у купца в долг.

Об орочах, или тазах (самоназвание орочей — нани, народ, близкий к удегейцам), Николай Михайлович пишет, что обитают они по берегам речек, впадающих в Японское море и по большим притокам Уссури. Он разделяет их на «бродячих», то есть кочевников и оседлых. «Бродячие» всю жизнь скитаются со своим семейством, переходя с места на место. Живут они в берестяных шалашах. «...Обыкновенно вся семья сидит полуголая вокруг огня, расположенного посередине шалаша, до того наполненного дымом, что невозможно открыть глаза»,— рассказывает Пржевальский.

Эти шалаши орочи стараются ставить в таких местах, где много пищи: на берегу реки, изобилующей рыбой, или в какой-нибудь лесной пади, где много зверей.

В жизни орочи часто случается так, что, убив где-нибудь кабана или оленя, «бродячий» ороча перекочевывает туда и живет там, пока не будет съедена вся его добыча, после чего опять идет на новое место. Так и кочует всю жизнь, каждый раз сооружая на новом месте новый шалаш.

В домах орочи живут только зимой, в период охоты на соболя. На охоту уходят все мужчины, за исключением стариков, которые остаются с женщинами и детьми.

Женщины орочей любят различные украшения. У каждой из них в правой ноздре и в ушах продеты толстые кольца, на которых висят медные или серебряные бляхи величиной с двадцатикопеечную монету. Кроме того, на всех пальцах надеты, иногда по нескольку штук на одном, медные и серебряные

кольца, а на кистях рук такие же или, реже, стеклянные браслеты.

У орочей, даже оседлых, как и у гольдов, хлебопашества нет. Они занимаются только рыбной ловлей и охотой. Шкурки соболей и других пушных зверей также сдают купцам и тоже по назначенной ими цене за взятые в долг в течение года охотничьи припасы и продукты. И конечно, темный и беззащитный ороча никогда не вылезал из долгов и, подобно гольду, всю жизнь находился у купца в рабской зависимости.

Яркое, насыщенное интересными фактами описание жизни и быта населения Уссурийского края имело не только научное значение. Оно обратило внимание передовых русских людей на ужасное положение в Уссурийском крае как новопоселенцев, так и его коренных жителей. Это был как бы обвинительный документ против царизма.

Результаты этого путешествия Пржевальский опубликовал в книге «Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг.».

Научная ценность собранного Пржевальским фактического материала, его методика исследований, интересные и смелые выводы и обобщения были высоко оценены учеными России. Все увидели, что в лице Пржевальского русская наука приобрела талантливого исследователя, которому можно поручить любое дело.

И когда Пржевальский предложил Географическому обществу проект новой экспедиции, теперь уже в Центральную Азию, Географическое общество без колебаний приняло его, выделило на экспедицию некоторые средства и оказало в ее организации немалую помощь.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОНГОЛИЮ И СТРАНУ ТАНГУТОВ

План своего первого путешествия в Центральную Азию Пржевальский разработал вместе с П. П. Семеновым — одним из руководителей Русского географического общества. Этим планом предусматривалось охватить исследованиями неизученные районы верховьев Желтой реки (Хуанхэ), плато Ордос, расположенное в гигантской излучине ее среднего течения, бассейн озера Кукунор и северную окраину Тибетского нагорья.

Маршрут, рассчитанный на три года, начинался от пограничного с Монголией русского города Кяхта[1].

Пржевальский прибыл в Кяхту в начале ноября 1870 года. «Близость чужих краев почуялась для нас в Кяхте с первого же раза,— говорит Николай Михайлович, с любопытством наблюдая жизнь этого важного торгового города на востоке России, стоящего у самого порога в Центральную Азию. — Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые, скуластые лица монголов, длиннокосые китайцы, чуждая, непонятная речь — все это ясно говорило, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого...»

В Кяхте Николай Михайлович не задерживался. Уже 17 (29) ноября его небольшой верблюжий караван вышел на широкий торговый тракт, который соединяет Кяхту с Калганом во Внутренней Монголии.

Сам Николай Михайлович и его новый помощник Ми-

[1] Маршрут экспедиции проходил как по граничившей с Россией Внешней Монголии, или Халха Монголии (ныне Монгольская Народная Республика), так и по примыкающей на востоке к Халха Монголии так называемой Внутренней Монголии (ныне Автономный район Внутренняя Монголия на севере Китая). Кяхта расположена близ границы Халха Монголии.

хаил Александрович Пыльцов ехали в телеге с верблюдом в упряжке[1].

Как ни медленно шагали верблюды, но Кяхта довольно скоро скрылась с глаз путешественников и только окружающая природа все еще напоминала им лучшие части родного русского Забайкалья с их обилием лесов и зеленых лугов.

До Урги экспедиция добиралась целую неделю. Урга (ныне Улан-Батор, столица Монгольской Народной Республики,— современный, благоустроенный и хорошо озелененный город) тогда была сравнительно небольшой. Население ее насчитывало всего 30 тыс. человек и состояло из монголов, проживавших в монгольской части города, и китайцев — исключительно чиновников и торговцев, занимавших другую часть города.

Урга того времени со своей беспорядочной застройкой из сотен и сотен глиняных домов поразила Пржевальского крайне непривлекательным видом и антисанитарным состоянием, даже ее центр — базарная площадь. Вместе с тем по своему значению для монголов, исповедовавших ламаизм (одна из сект буддизма), она была после Лхасы вторым религиозным центром. Не удивительно поэтому, что в монгольской части Урги было очень много монастырей и кумирен (молельни) с позолоченными крышами и множество лам (буддийских монахов), составлявших подавляющую часть монгольского населения города.

За Ургою сибирский облик ландшафтов с их обилием лесов и лугов неожиданно быстро меняется и путешественников со всех сторон обступает великая азиатская пустыня Гоби, протянувшаяся широкой полосой от западных подножий Куньлуня до Хинганских гор, отделяющих Монголию от Маньчжурии. Строго говоря, близ Урги настоящей пустыни еще нет. Она появляется километрах в двухстах южнее. А пока что перед путешественниками тянулась переходная степная полоса с густой травой, полоса, где привольно паслись стада домашнего скота, принадлежавшего монголам-кочевникам, юрты которых были разбросаны по степным просторам.

И только далее к югу эта однообразная степь, слегка всхолмленная и кое-где пересеченная грядами широтных, невысоких скалистых гор, переходит в пустыню.

[1] Своего товарища по путешествию в Уссурийском крае Николая Ягунова, отличного работника, Пржевальский взять с собой на этот раз не мог. Проявляя о нем заботу, Николай Михайлович устроил Ягунова в Варшавское юнкерское училище, намереваясь в дальнейшем, после получения Ягуновым военного образования, привлечь к участию в своих экспедициях. Но к великому огорчению Николая Михайловича, этому намерению не суждено было осуществиться: купаясь в Висле, Ягунов утонул. На место Николая Ягунова Пржевальский пригласил в свою первую Центральноазиатскую экспедицию выпускника Варшавского юнкерского училища Михаила Александровича Пыльцова — одного из самых любимых своих бывших учеников. Выбор оказался очень удачным. Пыльцов прекрасно справился с порученной ему работой и был хорошим и надежным товарищем Пржевальскому в течение всего путешествия.

Название «Гоби» происходит от монгольского слова «говь», что значит безводное место. «Ни деревца, ни кустика не увидишь в Гоби, — отмечает Пржевальский. — Здесь можно увидеть лишь низкорослые травы — несколько видов сложноцветных и злаков, лук и полынь, почти не покрывающие бесплодную, красноватого цвета почву.

Изредка встречаются еще твердый, как проволока, злак чий блестящий, растущий в увлажненных местах, бударгана (поташник тонкий), любимый корм верблюдов, появляющийся на солоноватых почвах».

От Урги до Калгана 1000 верст[1]. Значительно бóльшая часть Кяхтинско-Калганского тракта пролегает по пустынной части Гоби. Но несмотря на пустынный характер окружающей местности, этот тракт не выглядел безжизненным. Примерно через каждые два десятка верст на нем стояли почтовые станции. Правда, это были обычные, ничем не отличающиеся от других монгольские юрты, около которых вырыты колодцы.

А на самой дороге, пересекающей великую пустыню, как всегда в это время, зимой, царило большое оживление: один за другим шли из Калгана в Кяхту чайные караваны. Караванов было так много, что в течение дня экспедиция встречала их по нескольку десятков раз.

Неутихающую жизнь можно было наблюдать и на прилегающих к дороге пустынных землях Гоби. Чаще всего на глаза путешественникам попадались вóроны — крупные хищные птицы, смелость и нахальство которых превосходили всякое воображение. Стоило чуть недосмотреть, как они разрывали вьючные мешки и таскали из них провизию и даже расклевывали верблюдам горбы. Наряду с этими пернатыми разбойниками пустыни встречались также пустынники (копытки), монгольские жаворонки — лучшие певуны центральноазиатских пустынь и мастера подражать пению других птиц.

Из млекопитающих Пржевальский видел только пищуху даурскую, маленького, величиной с крысу, зверька, близкого родственника зайца, а также дзерена (род газели), нередко наблюдавшего за караваном с вершины отдаленного холма.

В конце декабря путешественники увидели впереди неясные очертания горного хребта. Это был приподнятый юго-восточный край Монгольского нагорья. Когда экспедиция подошла к краю нагорья, то перед ней вдруг «словно в причудливом сне» открылись внизу гряды гор, отвесных скал, пропастей и глубоких ущелий, а за ними вдали в легкой дымке виднелись густонаселенные долины собственно Китая, прорезанные серебристыми змейками рек. Тут, на границе Монголии и Китая, и находился город Калган (Цзянцзякоу), закрывающий проход в протянувшейся здесь по горам знаменитой китайской стене.

[1] 1 верста —1067 м.

На Монгольском нагорье, где только что проходила экспедиция, во всю бушевали ветры и лица путешественников обжигали морозы, доходившие до —37°, а в Калгане, куда они спустились по длинному узкому ущелью, их встретила настоящая весна, хотя по календарю был еще декабрь.

Из Калгана Пржевальский съездил в Пекин, где ему надо было получить китайский паспорт, необходимый для путешествия по территории Китая. В Пекине же он должен был доукомплектовать экспедиционное снаряжение и решить некоторые организационные вопросы.

Пока эти вопросы решались в Пекине, Николай Михайлович совершил двухмесячную поездку в крайнюю восточную часть Гоби (в пределах Внутренней Монголии), с природой которой ему хотелось ознакомиться, а кроме того, он был намерен провести наблюдения весеннего пролета птиц на озере Далайнор.

Поездка оказалась нелегкой. Несмотря на весеннее время, погода в этой части Гоби стояла холодная и неустойчивая. Постоянно дули сильные ветры, нередко переходящие в ураганы, а воздух отличался большой сухостью.

В Калган Пржевальский вернулся в конце апреля. А через несколько дней, 3 (15) мая, закончив все сборы, его экспедиция покинула Калган и, снова поднявшись на Монгольское нагорье, направилась, как было предусмотрено планом, по почтовой дороге на запад, в сторону города Кукухото — главного города Внутренней Монголии (нынешнее название Хух-Хото).

В экспедиции было всего четыре человека: Н. М. Пржевальский, М. А. Пыльцов и два казака. Под вьюком шли восемь верблюдов. Кроме верблюдов, были еще две верховые лошади и собака Фауст.

Первое время экспедиция шла холмистой степью, где было довольно значительное китайское население и часто встречались кочевья монголов.

Через некоторое время экспедиция подошла к невысоким горам, которые окаймляли южный край Монгольского нагорья. В горах, где очевидно было теплее, чем на открытых пространствах Гоби, зеленели заросли лещины, желтого шиповника, дикого абрикоса, барбариса, смородины красной, кизильника, жимолости, можжевельника.

В одном из горных хребтов Пржевальский впервые увидел аргали — одно из самых замечательных животных высоких нагорий Азии. Аргали — крупный горный баран, обитающий в самых труднодоступных скалистых горах. Рассказы о том, будто в случае опасности аргали бросаются со скал на рога, чтобы смягчить удар,— не что иное, как выдумка, считает Николай Михайлович. Он говорит, что ему ничего подобного видеть не приходилось. Во всех тех случаях, когда бараны прыгали со скал с высоты 6—8 м, они всегда падали на ноги.

В течение всего мая стояла холодная, с ветрами, погода. Студеные ветры по-прежнему, как и в апреле, дули все с той же силой то с северо-запада, то с юго-запада. Нередко случались даже снежные метели, а по утрам почву прихватывали морозы. Но временами выпадали и очень жаркие дни, напоминавшие путешественникам, что они находятся под 41° с.ш.

У города Баотоу экспедиция переправилась через Хуанхэ и вступила в Ордос — обширное плато, расположенное на северо-западе большой излучины Желтой реки. Поверхность Ордоса равнинная, но кое-где ее пересекают невысокие горы. Растительность на большей части территории Ордоса степная. Но в середине его встречаются пустынные ландшафты, а у самого изгиба Желтой реки — даже сыпучие пески — кузупчи.

«Тяжело становится человеку в этом песчаном море, совсем лишенном жизни,— говорит Пржевальский о песках Кузупчи.— Не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещания кузнечика — кругом тишина могильная».

Но и в этих на первый взгляд мертвых, сыпучих песках встречаются иногда зеленые оазисы, где можно увидеть и кустарники, например двухметровый двухкопеечник, и небольшие деревья — жузгун и гречишник.

Как раз здесь, в сыпучих песках, Пржевальский обнаружил такое редчайшее крестоцветное растение, как пугионий рогатый, составивший гордость всей ботанической коллекции Николая Михайловича. (Ведь, кроме двух небольших веточек, впервые найденных в XVIII столетии русским ученым Палласом и почему-то попавших в музеи Лондона и Штутгарта, ни в одном другом музее мира этого растения не было.)

В качестве очень характерного и к тому же очень ценного растения Ордоса Пржевальский называет лекарственный лакричный корень, растущий на песчано-глинистых почвах.

В Ордосе Пржевальский впервые увидел джейрана, или, как его называют монголы, хара-сульту,— чернохвостую антилопу, очень похожую на дзерена.

Ордос с давних времен был ареной борьбы различных завоевателей. Монголы впервые появились там в середине XV века. Проживали они потом главным образом в западной части долины Хуанхэ. Но когда Пржевальский пришел туда, монголов там уже не было. За два года до его прихода весь район был разорен и опустошен отрядами различного сброда, шедшего по следам дунганских повстанческих войск, боровшихся против гнета цинской (маньчжурской) династии, господствовавшей в Китае с XVII века.

Из Ордоса Николай Михайлович переправился на западный берег Хуанхэ и попал в Алашань — дикую, бесплодную пустыню с редким монгольским населением, тоже немало пострадавшим по тем же самым причинам, что и население Ордоса и других западных провинций Китая.

Голые пески Алашаньской пустыни тянутся на десятки и сотни километров. Наиболее крупные песчаные массивы у монголов имеют особое название — «тэнгри», то есть небо.

Растительность пустыни очень бедна по составу. Из травянистых растений Пржевальский видел всего несколько десятков видов. Что касается древесной, то она встречается крайне редко и больше похожа на кустарники, чем на деревья.

К числу наиболее интересных растений Алашаньской пустыни можно отнести саксаул, по-монгольски — зак. Это невысокое (2—3 м в высоту) дерево. Древесина саксаула очень хрупкая, для поделок не годится, но горит очень хорошо. А его сочные, торчащие, как у длинноволосой щетки, кисти на ветвях, имеющие вместо листьев прижатые к стеблю мелкие чешуйки или бугорки, охотно поедают верблюды. Саксаул ценен еще и тем, что его корневая система хорошо скрепляет пески, препятствуя их развеванию.

Другой замечательный представитель пустынной флоры Алашани — сульхир, или кумарчин гобийский. Это — травянистое солянковое растение. Оно дает вкусные, питательные семена, из которых местные жители, подсушив, делают муку. Сульхир — настоящий «дар божий», говорит Пржевальский.

На глиняных участках Алашаньской пустыни растут обычно бударгана, солянка хармык, сладко-соленые ягоды которого с удовольствием едят люди и звери, полевой чернобыльник (полынь), колючий вьюнок и изредка золотарник (карагана), невысокий кустарник.

Фауна Алашаньской пустыни тоже небогата. Кроме харасульты, из млекопитающих встречаются волк, лисица, заяц, изредка еж и два вида песчанок. Среди птиц встречаются пустынники, прилетающие на зимовку в пустыню, жаворонки — черный и хохлатый, а также рогатый, пустынная каменка и воробьи, а летом еще и журавли. Среди пернатых очень интересна саксаульная сойка, по-монгольски — холо-джоро, то есть «саврасый иноходец» — название, данное этой птице за ее быстрый бег, напоминающий бег иноходца.

Очень много в Алашани ящериц, таких, как ящерица круглоголовка и различные ящурки, составляющие основную пищу журавлей, сарычей и коршунов. Поживиться ящерками прилетают в пустыню даже чайки с Хуанхэ.

С востока и юго-востока Алашаньскую пустыню ограничивают горы с высотами до 3000—3500 м. Со всех сторон они круто поднимаются вверх и имеют дикий, альпийский облик, особенно на восточной стороне, как, например, у Алашаньского хребта, ограничивающего пустыню с востока. Несмотря на свою сравнительно большую высоту, даже этот хребет нигде не доходит до снеговой линии и очень беден водой. Происходит это потому, что Алашаньский хребет имеет небольшую ширину и стоит, по определению Пржевальского, «совершенно стеной», так

что выпадающая влага, не задерживаясь на его крутых склонах, стремительными потоками скатывается в соседнюю пустыню.

В горах Алашани Пржевальский провел две недели, изучая их и охотясь на куку-яманов. Присутствие куку-яманов в горах Алашани Пржевальский расценивал как прямое свидетельство приближения экспедиции к Северному Тибету.

Но попасть в Северный Тибет НиколаюМихайловичу на этот раз не удалось. При всей жесткой экономии, которую он проводил, средства, полученные на экспедицию, кончались. К тому же китайский паспорт, выданный ему в Пекине, был действителен только до провинции Ганьсу, у границ которой экспедиция как раз и остановилась. И наконец, как бы в довершение всех бед заболел Пыльцов. Как ни горько и досадно было Пржевальскому, но пришлось работы свертывать и поворачивать назад, идти в Пекин, где он надеялся получить в русском посольстве все необходимое для продолжения путешествия.

Обратно экспедиция шла по той же дороге, по которой продвигалась в Алашань. Наступила зима, как всегда, на Монгольском нагорье морозная, с температурами за 30°С. Положение экспедиции сильно осложнялось еще тем, что было очень плохо с кормом для верблюдов и лошадей и трудно было найти топливо для костра.

Дня за два пути до города Кукухото на экспедицию обрушилась еще одна беда: пропали (или были украдены) экспедиционные верблюды. К счастью, словно предвидя подобную возможность, Пржевальский еще в Алашани продал часть дорожных вещей, в которых не было крайней необходимости. Но даже имея деньги, приобрести новых верблюдов удалось не сразу. В конце концов верблюдов купили, но они были настолько плохие, истощенные, что до Калгана экспедиция едва добралась на них. Это произошло в самый канун нового 1872 года.

Через два месяца, отдохнув и пополнив экспедиционное снаряжение, экспедиция Пржевальского опять покинула Калган и снова вышла на ту же дорогу на Монгольском нагорье, по которой направлялась в Алашань и возвращалась оттуда в Калган в предыдущем году.

В составе экспедиции произошли некоторые изменения: прежних двух казаков, которые не справились со своими обязанностями, заменили другими. Один из новых казаков — девятнадцатилетний русский юноша Панфил Чебаев, а другой — бурят Дондок Иринчинов.

«Мы с товарищем (М. А. Пыльцовым) вскоре сблизились с этими добрыми людьми самой тесной дружбой,— отдает должное новым участникам экспедиции Николай Михайлович. — И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более весь успех экспедиции».

Из города Динъюань, что стоит на восточной окраине Алашаньской пустыни, Пржевальский намечал идти к озеру Кукунор, расположенному на северо-востоке нынешней китайской провинции Цинхай. Как раз в это время туда же шел, возвращаясь из Пекина, большой караван тангутов (о них речь будет впереди). Это было для Пржевальского очень кстати, так как своего проводника к Кукунору у него не было.

Путь экспедиции с караваном тангутов проходил по южной части Алашаньской пустыни, где сыпучие пески занимали значительно бо́льшую площадь, чем в северных и средних ее районах, в которых Николай Михайлович уже побывал. Тут сыпучие пески были, как говорят монголы, «тэнгри», что, очевидно, надо понимать, как «пески бескрайние, как небо».

Но вот далеко на юге перед путешественниками засверкали снежные вершины никем еще не изученных гор, ограничивающих юго-западную окраину Алашаньской пустыни. Это был горный хребет Наньшань, его восточная часть. А пока, не зная еще этого, Пржевальский назвал их горами Ганьсу.

Восточная часть хребта Наньшань испытывает отдаленное влияние тихоокеанского муссона, поэтому здесь, как правильно предположил Пржевальский, флора оказалась очень богатой и разнообразной по своему составу.

Пржевальский уделил изучению Восточного Наньшаня большое внимание, дал первое в науке описание его растительности по вертикальным поясам, начиная с растительного покрова лесного пояса.

Начиная описание лесов Восточного Наньшаня, Николай Михайлович делает еще одно важное уточнение: «...собственно лесами, в нашем смысле этого слова, богат только южный хребет, который стоит по правую сторону реки Тэтунг, сбегающей с Наньшаньских гор на восток, то есть к реке Хуанхе».

В этих лесах Пржевальский подметил любопытные особенности. Например, наряду с осиной, сосной, елью, развесистым тополем он обнаружил неожиданно для себя березу с красноватой корой (гималайская береза), а также рябину с белыми ягодами, растущую рядом с нашей обычной рябиной. В верхней зоне лесного пояса, главным образом на южных склонах гор, по существу уже в области альпийских кустарников, он указывает на древовидный можжевельник, считающийся у местных жителей священным и применяемый ими при богослужениях.

Большое разнообразие отметил Пржевальский и среди кустарников лесного пояса, где в изобилии росли жасмин, шиповник, барбарис, крыжовник, жимолость, малина (колючая). Еще большим разнообразием и богатством видов отличался травянистый покров лесного пояса, среди которого, по мнению ученых, наиболее ценным растением оказался лекарственный ревень.

Выше лесного пояса Николай Михайлович выделяет пояс альпийских кустарников и лугов. Здесь он называет такие типичные для этого пояса растения, как рододендрон (Пржевальский обнаружил здесь четыре новых вида рододендрона), карагана верблюжий хвост (кстати, такая же, какую он видел в Алашаньском хребте), таволга, ива и ряд других.

Над поясом альпийских кустарников, по наблюдениям Николая Михайловича, располагается пояс богатейших по своему видовому составу и густоте травостоя альпийских лугов, от которых путешественник пришел прямо-таки в восторг. Тут в большом количестве росли различные маки, мытник, горечавка, лапчатка, соссюрея злаковолосистая и многие другие травянистые растения.

Приблизительно на высоте 3660 м, в зоне, где уже холодно и где часто случается непогода и дуют ветры, растительный покров становится намного беднее. Даже луговые травы, забравшиеся сюда из нижнего пояса, приобретают карликовые формы, а потом и вовсе исчезают, уступая место мхам и лишайникам.

Мир животных в горах Восточного Наньшаня по сравнению с миром растительности выглядит намного беднее и по видовому составу, и по количеству особей. Это, по заключению Пржевальского, можно объяснить только одним — присутствием человека. Крупные животные тут вообще редки, поскольку на них постоянно охотятся тангуты. Однако иногда можно еще встретить кабаргу и куку-ямана, оленя и косулю. Чего здесь много, так это грызунов: тибетских сурков, тибетских пищух, слепышей и полевок. Есть также зайцы, белки летяги, сильно отличающиеся от сибирских. Обитают также и хищники: дикая кошка, медведь, лисица, обыкновенный и красный волк.

Рассказывая о царстве пернатых Наньшаньских гор, Пржевальский указывает, что оно заметно богаче и разнообразнее, чем царство животных. Причем здесь имеются представители и сибирской, и китайской, и гималайской, и тянь-шаньской фауны.

Среди птиц немало очень интересных. В отряде воробьиных, например, замечательна оляпка, умеющая плавать, нырять и даже ходить по дну горных речек в поисках пищи, цепляясь когтистыми лапками за камни. В отряде хищных выделяется могучий снежный гриф с размахом крыльев до 3 м, а в отряде куриных обращает на себя внимание великолепный свинцово-голубого цвета ушастый фазан.

Среди обилия всевозможных птиц в горах восточного Наньшаня Пржевальскому удалось обнаружить и новый, неизвестный ученым вид рябчика, отличающегося от нашего и большей величиной, и темным цветом.

В горах Наньшаня Пржевальский провел несколько месяцев. И все это время он, как и все местные жители, провел в большой

тревоге, опасаясь грабителей. Но никто не рискнул напасть на экспедицию потому, что на всем пути, где проходил Пржевальский, и даже опережая его, катились слухи, которые послужили ему лучше любой охранной грамоты. В одних случаях говорили, что он святой и его не может убить пуля, в других утверждали, что он колдун и в случае необходимости по его повелению является тысяча никому не видимых воинов, которые сражаются за него, в-третьих, из уст в уста передавали рассказы о необыкновенном искусстве стрельбы Пржевальского и его спутников и об их удивительных ружьях, бьющих без промаха. Последнее, то есть умение отлично стрелять и хорошее оружие вместе с беспримерною отвагою, которую члены экспедиции постоянно проявляли, а случалось, и намеренно демонстрировали, и было самым главным, что останавливало грабителей. Можно сказать, что смелость и решительность открыли Пржевальскому дорогу на Кукунор, до берегов которого он и добрался благополучно в середине октября 1872 года.

«Мечта моей жизни исполнилась...— преисполненный радости, записал он в своем дневнике...— все пережитые невзгоды были забыты, и в полном восторге стояли мы с товарищем на берегу великого озера, любуясь на его чудные темно-голубые волны».

Радость Николая Михайловича легко понять. Дойти до Кукунора, лежащего на высоте 3200 м над уровнем моря, совсем неподалеку от окраинных гор Тибета, и любоваться его «чудными темно-голубыми волнами» — это значит подойти к порогу высочайшего на земле нагорья — одной из главных целей и мечты всей жизни путешественника.

О том, что эта цель была совсем рядом, говорило путешественнику все: и трели тибетского жаворонка в небе Кукунорских степей, и появление тибетского пустынника (саджи тибетской), и новые признаки как в облике, так и в повадках саксаульных соек, вьюрков, а также пищух. Наконец то, что он стоит в преддверии Тибета, подтверждало присутствие в степях Кукунора кулана (животное из семейства лошадиных)— одного из самых типичных тибетских животных.

Придя на Кукунор, Пржевальский оказался в одном из центров расселения тангутов, потомков тех самых тангутов, которые в X веке создали в Алашани и в Северном Тибете большое культурное государство Си-ся (в переводе с китайского — Западное государство), просуществовавшее до 1227 года.

Тангуты — народ, относящийся к тибето-бирманской группе народов. Роста они, по описаниям Николая Михайловича, среднего или даже выше среднего, сложения коренастого. Чертами лица не напоминают ни монголов, ни китайцев, с которыми живут в соседстве не одно столетие. Больше всего, считает Николай Михайлович, они похожи на цыган.

Одежда тангутов — халат для лета и шуба для зимы,

Стойбище в Гоби среди саксаульника.

сшитая из сукна или бараньих шкур, «что обусловлено местным климатом, чрезвычайно сырым летом и холодной зимой»,— отмечает Пржевальский. Надевается халат и даже шуба прямо на голое тело. Женщины носят такую же одежду, что и мужчины.

Жилищем тангутам-кочевникам служит большая черная палатка, сшитая из грубой и редкой, как сито, шерстяной ткани, изготовленной из шерсти яка. Только в лесистой области, где некоторые тангуты занимаются хлебопашеством, палатку им заменяет грубо сложенная из неотесанных бревен курная изба.

Главное занятие тангутов — скотоводство: разведение яков и баранов, реже — лошадей и коров.

Тангуты подразделяются на так называемых хара-тангутов и желтых тангутов. Проживают хара-тангуты и желтые тангуты в разных местах Центральной Азии. Тангутское население Кукунора и Цайдама, с которым Пржевальский познакомился в это путешествие, представлено хара-тангутами, что значит черные тангуты. Они имеют больший рост по сравнению с желтыми тангутами[1] и более темный цвет кожи. Кроме того, хара-тангуты не носят кос и бреют головы. Будучи скотоводами с кочевым образом жизни, они держат себя более независимо от центральных властей, довольно воинственны и занимаются набегами на мирное монгольское население. Несмотря на свой воинственный характер, хара-тангуты очень усердны в богомо-

[1] Желтые тангуты расселены в районе города Синин /к юго-востоку от города Синин/. О них речь пойдет дальше.

лии и, так же как все тангуты вообще, очень суеверны и верят в колдовство, которым у них занимаются ламы-шаманы.

Во время пребывания Николая Михайловича на Кукуноре к нему с очень заманчивым предложением обратился тибетский посланник в Китае Камбы-нанту. Камбы-нанту выехал из Лхасы в Пекин в 1862 году, но на обратном пути из-за дунганского восстания на целых десять лет застрял, не имея возможности продвинуться дальше провинции Ганьсу. Камбы-нанту, немало наслышавшийся об отваге и бесстрашии Пржевальского, имя которого среди населения тех районов, в которых он проходил, было овеяно легендами, видел в русском путешественнике надежного спутника, под защитой которого сможет, наконец, вернуться домой. В качестве своего рода платы за подобную услугу посланник далай-ламы предлагал Пржевальскому свою помощь в продвижении экспедиции до самой Лхасы.

Пржевальскому представился счастливый и неповторимый случай дойти до главного города Тибета вместе с официальным представителем самого далай-ламы. Иначе говоря, перед ним открывались двери священной столицы тибетцев, в которую въезд европейцам практически был запрещен.

И все же от предложения Камбы-нанту Николай Михайлович вынужден был отказаться. До Лхасы было еще далеко, а деньги, полученные им в посольстве (в Пекине) на экспедицию, кончались. Второй раз, скромное, мягко говоря, экспедиционное обеспечение подводило его в очень важный для дела момент.

Самое большее, что он мог сделать на оставшиеся у него средства, это продвинуться до верховьев Янцзы (Голубой реки). И это было бы большим достижением, рассуждал он, поскольку каждый, даже небольшой шаг по Тибетскому нагорью имел для науки исключительное значение. Несмотря на то что это было связано с немалым риском, он все же решил идти к верховьям Янцзы, тем более что на этот раз он получил от местных властей проводника, а это довольно сильно облегчало задачу.

Покинув Кукунор, Николай Михайлович направился на юго-запад, перевалил через Кукунорский хребет и оказался в Цайдаме.

Цайдам — гигантская межгорная бессточная впадина длиной около 800 и шириной от 100 до 300 км, ограниченная на севере хребтами Наньшань и Алтынтаг (Алтынтаг был открыт Пржевальским во время следующего путешествия), а на юге хребтом Бурхан-Будда, окаймляющим северную окраину Тибетского нагорья. Дно Цайдама представляет собой почти сплошное болото, пропитанное солью, образующей во многих местах толстую, похожую на лед корку. Отсюда и название «Цайдам» — по-монгольски солончак.

Найти дорогу через Цайдам к хребту Бурхан-Будда не

удалось, и Пржевальскому пришлось идти к нему напрямик, где по замерзшей глине, а где по голой соли, разъедавшей израненные верблюжьи и собачьи лапы.

В чистом и прозрачном осеннем воздухе Цайдама горы Бурхан-Будда путешественники увидели верст за сто пятьдесят. Но еще долго тащился караван по солончакам Цайдама, прежде чем подошел к их подножию. Однако подняться на хребет Бурхан-Будда оказалось делом необычайно трудным, хотя подъем на его гребень в общем был пологим и длинным — целых тридцать верст. От недостатка кислорода люди и животные задыхались и быстро уставали.

Хребет Бурхан-Будда стоит, говоря словами Пржевальского, «исполинским стражем высокого, холодного и пустынного нагорья Северного Тибета». Самые высокие его точки вздымаются не менее чем на 5000 м. Причем если над дном Цайдама они поднимаются примерно на 2000 м, то над равнинами Тибетского нагорья, примыкающего к хребту Бурхан-Будда с юга, всего на несколько сот или самое большое на 1000 м — так высоко вознесено это нагорье над уровнем моря.

Суровым и бесплодным выглядит хребет Бурхан-Будда, особенно северный его склон, почти лишенный вод. Южный склон не совсем безводный, поэтому там есть и луга. Но вся трава на них, к огорчению Пржевальского, была поедена дикими животными и домашним скотом, который пригоняют сюда с Цайдама монголы, спасаясь от кровососущих насекомых.

Поднявшись на гребень хребта Бурхан-Будда, Пржевальский оказался под небом Северного Тибета. На юг от него на сотни верст простиралось могучее нагорье, где параллельно хребту Бурхан-Будда тянулись с востока на запад другие, также широтные, горные хребты.

Ближайшим был хребет Шуга, мало чем отличавшийся по своему облику от хребта Бурхан-Будда. Такие же мертвые горы, те же голые скаты, отливающие то синеватым, то желтоватым цветом голой глины, каменных россыпей и обнаженных горных пород. Только на гребне его громоздились огромные скалы да кое-где на вершинах белел снег.

Далее на юг от хребта Шуга находилась следующая горная гряда — Баян-Хара-Ула. Этот хребет замечателен тем, что, несмотря на свою меньшую по сравнению с ближайшими к нему другими горными хребтами высоту, служит водоразделом двух великих китайских рек: на севере от него находятся истоки Хуанхэ, а на юге — верхнее течение Янцзы, носящей здесь монгольское название Мурусу. Хребет Баян-Хара-Ула отличался от других еще одной важной особенностью — южная его сторона уже более плодородна, чем все те местности, которые Пржевальский видел до этого в Северном Тибете.

Вообще же все пространство между хребтами Шуга и

Баян-Хара-Ула, по словам путешественника, «представляет собою страшную пустыню, поднятую до 14 500 футов (свыше 4400 м) над уровнем моря». Вся эта территория имеет вид волнистого плато с разбросанными там и сям невысокими горами или холмами, поднимающимися над окружающей местностью метров на 300. Это плато, приходит он к заключению, представляет собой общий тип пустынь Северного Тибета. Климат здесь исключительно суров. Всю зиму, а отчасти и весной господствуют страшные холода и бури, а летом льют дожди, иногда с крупным градом. Только осенью стоит ясная, тихая и теплая погода.

Глинистые, с примесью песка и гальки, почвы северо-тибетских пустынь бесплодны, и лишь изредка можно увидеть на них худосочные кустики травы или пятна желто-красных лишайников, покрывающих оголенную почву, украшенную белыми выцветами солей. Только там, где пробиваются ключи, появляется слабая растительность, образующая очень скудный луговой покров из низенького, необычайно твердого злака, до того высушенного ветрами, что под ногами он рассыпается в пыль.

Разреженность воздуха на плато так велика, что небольшой переход или восхождение на маленькую горку уже сильно утомляют, рассказывает Пржевальский. Во всем организме чувствуется слабость, доходящая иногда до головокружения. Руки и ноги трясутся, появляется рвота. Сильная разреженность атмосферы даже спать мешает, жалуется Николай Михайлович. В лежачем положении одолевает удушье, а в полулежачем или сидячем состоянии сон если и наступает, то очень неспокойный и кратковременный, не приносящий отдыха. На большой высоте и огонь трудно разводить: аргал горит плохо, а вода закипает при температуре 80—85°С, так что мясо невозможно сварить.

Видимо не случайно, делает вывод Пржевальский, вся территория Северного Тибета, начиная от хребта Бурхан-Будда и далее на юг, вплоть до спуска с горного плато Тангла, т. е. на протяжении 800 верст, совсем не населена. Даже обычные переходы караванов тут довольно рискованны. Были случаи, когда люди, попав в беду, все бросали и думали только о своем спасении. Так было, например в 1870 году с вышедшим из Лхасы огромным караваном, в котором было 300 человек и при них 1000 верблюдов и яков. Из-за внезапно выпавшего обильного снега и быстро наступивших затем морозов началась бескормица и падеж среди экспедиционных животных. Почти все верблюды и яки погибли. Погибло также от холода около 50 человек. Остальные же едва спаслись.

Два с половиной месяца, которые провела экспедиция в Северном Тибете, были едва ли не самыми трудными за все три года первого Центральноазиатского путешествия Пржеваль-

ского. «Жизнь наша была в полном смысле борьбой за существование»,— вспоминает Николай Михайлович.

Дикий як.

«Но удивительно,— говорит о своих наблюдениях путешественник,— что, несмотря на все свое бесплодие и тяжелые климатические условия, северотибетские пустыни исключительно богаты животной жизнью. И не зря, видимо, северотибетскую пустыню монголы называют «Гуресу гадзыр» — «Звериная земля».

«Не увидев собственными глазами,— говорит Пржевальский,— невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природой местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скапливающихся иногда в тысячные стада». И далее он высказывает соображение, что «...только бродя с места на место, эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни».

Одной из главных причин такого обилия зверей в северотибетской пустыне Николай Михайлович не без основания считает отсутствие в ней человека.

Среди основных представителей фауны Северного Тибета Пржевальский упоминает дикого яка, белогрудого аргали, антилоп оронго и ада, кулана, желто-белого волка, медведя (тибетского), лисицу, корсака, зайца, сурка, пищух.

Некоторые из этих животных — подлинное украшение суровых ландшафтов Северного Тибета. Пржевальского восхищает мощь и красота дикого яка, достигающего в высоту у горба 1,8 м, а массы до 650 кг и при этом при всей своей массивности и кажущейся неповоротливости превосходно карабкающегося по горам и скалам, почти не уступая горным баранам.

Он любуется также белогрудым аргали с его великолепными завитыми рогами и гордой походкой.

Разумеется, такой страстный и искусный охотник, каким был Николай Михайлович, не мог не поохотиться и на яка, и на белогрудого аргали, и на других зверей Северо-Тибетского нагорья, тем более что сбор зоологической коллекции был для него одной из важнейших задач в его научно-исследовательской работе.

Перевалив через хребет Баян-Хара-Ула, Пржевальский 10 (22)января 1873 года достиг верховьев Голубой реки. Это был предел его странствий по Внутренней Азии в эту экспедицию.

До Лхасы оставалось еще 800 верст, или 27 дней пути. До той самой Лхасы, побывать в которой он мечтал всю свою жизнь. Но все средства на эту экспедицию, имевшиеся в его

распоряжении, были почти израсходованы, а огромные трудности, которые пришлось преодолевать экспедиции, до того истощили экспедиционных верблюдов, что три верблюда из оставшихся одиннадцати пали, остальные же еле-еле волочили ноги.

И снова, немного не дойдя до желанной цели, Пржевальскому пришлось приостановить продвижение вперед и повернуть назад, идти к Урге. Обратно шли первое время прежним путем, то есть через Кукунор и Алашань, и только из Алашани пошли прямо на Ургу, сделав тысячеверстный переход по никем еще из ученых не посещенной срединной Гоби, через самую дикую и пустынную ее часть.

На всем обратном пути Пржевальский продолжал вести научную работу, где попутно, а где с довольно продолжительными остановками, как, например, на Кукуноре — для наблюдения весеннего пролета птиц или в горах Алашани — для охоты.

В Алашаньских горах с экспедицией чуть было не произошла большая беда. Казалось бы, что в этих безводных горах никакой опасности от воды быть не может. Но получилось как раз наоборот.

«Утром 1 (13) июня вершины гор начали кутаться облаками, служившими, как обыкновенно, предвестием дождя,— пишет об этом приключении Пржевальский. — Однако к полудню почти совсем разъяснило, так что мы ожидали хорошей погоды, как вдруг, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы и, наконец, полил дождь словно из ведра. От этого ливня палатка наша быстро промокла, и мы, сидя в ней, отводили в сторону небольшими канавками попадавшую к нам воду. Так длилось около часа: ливень не унимался, хотя туча была не грозовая. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвой или удержаться на крутых склонах гор, так что вскоре со всех ложбин, боковых ущелий и даже с отвесных скал потекли ручьи, которые, соединившись на дне главного ущелья, т. е. того, в котором мы стояли, образовали поток, понесшийся вниз с ревом и страшной быстротой. Глухой шум еще издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждой минутой. Мигом глубокое дно ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимой быстротой. Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такой силой бил в боковые скалы, что земля дрожала, как бы от вулканических ударов. Среди страшного рева воды слышно было, как сталкивались между собой и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы. Из менее твердых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез —

все деревья были вывороченны с корнем, переломаны и перетерты на мелкие кусочки...

Между тем проливной дождь не унимался и сила бушевавшей возле нас реки возрастала все более и более. Вскоре глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками леса так, что вода выступила из своего русла и понеслась по незатопленным еще местам. Не далее 3 сажен от нашей палатки бушевал поток, с неудержимой силой уничтожавший все на своем пути. Еще минута, еще лишний фут прибылой воды — и наши коллекции, труды всей нашей экспедиции погибли бы безвозвратно... Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; впору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашел какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу с страшным несчастьем, еще сомневался в его действительной возможности.

Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на который волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую груду, что она удержала дальнейший напор воды,— и мы были спасены».

Незамедлила проявить свой характер и Алашаньская пустыня. Особенно трудным было хождение по ней, когда невыносимая июльская жара доходила до 45°С в тени. Случалось, что в поисках колодцев экспедиция подолгу плутала и буквально находилась на краю гибели. В один из таких дней погибла собака Фауст — всеобщий любимец.

«Положив на вьюк Фауста,— вспоминает Николай Михайлович,— мы двинулись далее, не будучи уверены, есть ли колодец или нет в месте, на которое указывал проводник, обманувший нас уже несколько раз кряду. Положение наше в это время действительно было страшное. Воды оставалось не более нескольких стаканов; мы брали в рот по одному глотку, чтобы хоть немного промочить почти засохший язык, все наше тело горело, как в огне; голова кружилась чуть не до обморока».

Тяжелым был и следующий отрезок пути — до хребта Хурху, то есть открытой Пржевальским крайней восточной оконечности Монгольского Алтая. Так же безжалостно пекло солнце, так же дули горячие ветры, нередко переходившие в бури, и чуть не ежедневно возникали миражи — эти злые демоны пустыни, искушающие изнемогающих путников видениями цветущих оазисов.

«Пройти здесь без проводника, отлично знающего местность, невозможно,— гибель грозит путнику на каждом шагу»,— предупреждает Пржевальский.

Абсолютная высота срединной части Гоби, где проходила экспедиция, колеблется от 1200 до 1700 м. Вся эта местность представляет собой высокое плато, совершенно лишенное вод. Даже ключей очень мало. Сурова, почти безжизненна здесь

Гоби. Но вот на что обращает внимание Пржевальский. Стоит только пройти здесь дождю, как под действием горячих солнечных лучей начинают пробуждаться дремавшие до того травы, появляются зеленые оазисы, к которым приходят дзерены, прилетают жаворонки, прикочевывают со своими стадами монголы, и закипает в этом уголке великой азиатской пустыни жизнь. Но ненадолго. Жгучее солнце испарит скоро влагу, пропитавшую почву, пожелтеет трава, откочуют монголы, убегут быстроногие дзерены, улетят жаворонки, и пробудившийся на короткое время уголок необъятной Гоби снова станет безмолвным, как могила.

Таков здесь, как мы сказали бы, круговорот жизни, нарушаемый только холодным временем года, когда благодаря снегу проблема воды не имеет такой остроты и перекочевки людей со стадами домашнего скота, а также миграции диких животных происходят главным образом в поисках лучших кормовых угодий.

В результате своих наблюдений Пржевальский приходит к выводу, что срединная часть Гоби пригодна для жизни. Люди там встречаются часто, а возле их стойбищ всегда бродят стада баранов, верблюды, лошади, рогатый скот. И что опять поражает путешественника, так это то, что и здесь, как и в Северном Тибете, все животные, как домашние, так и дикие, к концу лета делаются необыкновенно жирными. Этому способствуют, с одной стороны, травы сухих степей и пустынь, среди которых многие отличаются очень высокими питательными свойствами, и, с другой стороны, отсутствие в пустыне кровососущих насекомых.

По мере того как караван экспедиции приближался к Урге, суровый облик пустыни Гоби постепенно менялся. Растительность заменялась степной и луговой. Дзерены бродили уже не отдельными небольшими группами, а крупными стадами. Повсюду сновали пищухи оготоно, свистели тарабаганы, а из-под облаков лилась звонкая песня жаворонка.

В начале сентября 1873 года, почти после трех лет изнурительного путешествия по безлюдным пустыням и горам глубинных районов Азии, Пржевальский прибыл со своим караваном в Ургу, оставив за плечами около 11 100 верст, из них на половину пройденного пути /5300 верст/ была сделана глазомерная съемка.

«Не берусь описать впечатления той минуты,— рассказывает Николай Михайлович в своем отчете об этой экспедиции,— когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку». (Имеется в виду русское посольство в Урге. — *Б. Ю.*)

Несколько дней путешественники не могли прийти в себя. Все казалось необычным, странным: мебель, зеркала, тарелки, вилки...

Вид каждого из участников экспедиции был ужасен: вся одежда и обувь на них были в лохмотьях и заплатах. На лицах лежала печать глубокой усталости и тяжелых испытаний. Но радость от успешно выполненного долга заставляла забыть все печали и невзгоды.

«Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая в первый раз границу Монголии»,— с великой радостью и гордостью пишет в своем отчете Николай Михайлович.

Особенно он был рад тому, что ему удалось побывать на Северо-Тибетском нагорье. Это была самая интересная и самая важная для науки часть его маршрута, хотя по длине и не очень большая.

Основная же часть маршрута проходила по территории Монголии — огромной страны, раскинувшейся на огромной площади и населенной народом, от которого она получила свое название,— монголами. В течение долгого времени Пржевальский наблюдал жизнь монголов, знакомился с их бытом, культурой.

Здесь следует еще раз напомнить, что Николай Михайлович путешествовал по территории, на которой сейчас располагаются Монгольская Народная Республика, самостоятельная социалистическая страна, и Автономный район Внутренняя Монголия, входящая в состав Китайской Народной Республики. Там и тут живут монголы, однако между ними имеются некоторые различия как в языке, так и в облике и образе жизни.

Маршруты Пржевальского проходили преимущественно по территории нынешней Монгольской Народной Республики, или, как ее называли в то время, Халха Монголии, по имени населяющего ее народа халха-монголы. Халха-монголы состоят из нескольких монголоязычных этнографических групп, расселенных по различным районам огромной по площади (около полутора миллионов квадратных километров) страны — Халха Монголии и вместе с тем, несмотря на имеющиеся между ними некоторые языковые и другие различия, представляющих собой, как говорит Пржевальский, наиболее цельный тип монголов.

Пржевальский так и пишет, что за образец коренного монгола следует брать обитателя Халхи (то есть Халха Монголии, или Северной Монголии, ныне Монгольская Народная Республика). Именно у монголов Халхи более всего сохранилась чистая монгольская порода, говорит он; у них нет примеси ни китайской, ни тибетской или какой-либо другой крови. Широкое, плоское лицо с выдающимися скулами, приплюснутый нос, небольшие узко прорезанные глаза, черные жесткие волосы, редкие на усах и бороде, смуглый, загорелый цвет кожи и, наконец, плотное, коренастое сложение при среднем или даже

большом росте — вот характерные черты наружности халхасца. К этому можно еще добавить, что от природы они «необыкновенно выносливы ко всем трудностям пустыни».

Одежда монголов в то время состояла из кафтана вроде халата, сшитого из синей дабы (вид материи), сапог и плоской шляпы с загнутыми вверх полями. Рубашек, нижнего платья монголы (кочевники) тогда не имели. Зимой же надевали теплые штаны, бараньи шубы и теплые шапки. У женщин халат несколько отличался от мужского и не имел пояса. Сверху надевалось что-то похожее на фуфайку без рукавов.

Основным жилищем монгола-кочевника была войлочная юрта, одинаковая во всех «закоулках его родины». Она имеет круглую форму и коническую крышу с отверстием наверху для выхода дыма и для дневного света. В условиях кочевой жизни монгола юрта незаменима. Она очень легка, ее можно быстро разобрать и навьючить на верблюда и так же быстро собрать и поставить на новом месте. Зимой она неплохо защищает от холода и ветра, а летом — от жары и дождей.

Самой главной пищей монгола был кирпичный чай. В чай добавлялись соль, молоко, жареное просо, масло или бараний жир.

Подспорьем к этому обязательному блюду служило баранье мясо. Но простые люди ели его далеко не часто. Баранье мясо в достаточном количестве было мерилом высшего благополучия. Оно служило также мерилом и для оценки всех других съестных продуктов. Желая похвалить что-нибудь съедобное, монгол всегда говорил: «вкусно, как баранина».

Пржевальский отмечает сметливость монгола, его поразительное умение приспосабливаться к любым обстоятельствам родной природной обстановки. Одновременно он отмечал непонимание монголом многих, на взгляд европейца, простых вещей. Объясняется это, как мы теперь можем об этом судить, многовековой изолированностью монгольского народа от остального мира, а также влиянием буддизма, проповедовавшего отречение от всех земных благ жизни.

О природной пытливости монгола, его стремлении расширить круг крайне ограниченных знаний и понятий говорит то, что он, как это видно из описаний Пржевальского, проявлял исключительный интерес ко всякому новому предмету и к новым людям, прибывшим из другого мира, в данном случае к тому же Пржевальскому и его товарищам.

Результаты трехлетнего путешествия Пржевальского по Монголии и стране тангутов очень значительны. Путешественник прошел по Центральной Азии 11 100 верст (11 842 км). Из них 5300 верст (5654 км), то есть на всем переднем пути, с глазомерной съемкой. Им выполнено определение 18 пунктов по широте и 146 пунктов гипсометрически, что все вместе

существенно расширило знания ученых о рельефе Центральной Азии.

Николай Михайлович собрал громадный и очень ценный материал по климату внутренних частей Центральной Азии, неукоснительно проводя во время путешествия по 3—4 раза в день метеорологические наблюдения.

Его зоологическая коллекция насчитывает 130 шкур и шкурок млекопитающих, принадлежащих 42 видам животных, около десятка видов пресмыкающихся (около 70 экземпляров), 11 видов рыб и более 3000 экземпляров насекомых. А ботаническая коллекция содержит свыше 500 видов (более 4000 экземпляров растений).

Николай Михайлович дал характеристику природы срединной части Гоби, совершив 1000-верстный переход поперек Гоби по ее наибольшему диаметру, на что до него никто из исследователей не решался.

Николай Михайлович провел также очень ценные общие физико-географические исследования и собрал интересные этнографические сведения о монголах, тангутах, дунганах и далдах.

Первое Центральноазиатское путешествие Пржевальского, охватившее по широте огромное пространство Центральной Азии, от озера Далайнор на севере до верховьев Янцзы на юге, его современники справедливо называли настоящим научным подвигом.

К ЗАГАДОЧНОМУ ЛОБНОРУ

Второе Центральноазиатское путешествие Пржевальского состоялось в 1876—1877 годах. Перед своей новой экспедицией Николай Михайлович ставил задачу найти таинственное озеро Лобнор, скрывавшееся где-то в дебрях грозной пустыни Такла-Макан, а затем продолжить исследования на Тибетском нагорье, включая посещение Лхасы и берегов Брахмапутры, протекающей в верховьях по Южному Тибету под тибетским названием Цангпо.

Маршрут экспедиции начинался от китайского города Кульджа (Инин), что стоит в верховьях реки Или, истоки которой лежат в горах Восточного (Китай) Тянь-Шаня.

12 августа 1876 года экспедиция вышла из Кульджи. На этот раз его экспедиция была обеспечена достаточно хорошо. В его распоряжении был караван из 24 вьючных верблюдов, нагруженных всевозможным экспедиционным имуществом, и 4 верховых лошадей. В составе экспедиции числилось 10 человек, включая Панфила Чебаева и Дондока Иринчинова, отлично зарекомендовавших себя в предыдущей экспедиции. Правда, кое-кого из нового состава пришлось потом заменять, а из двух помощников начальника экспедиции оставить только одного — Федора Леопольдовича Эклона[1].

Поначалу Пржевальский шел вверх по долине реки Или, о которой иногда говорили, что она напоминает Ломбардию — богатый и живописный край Северной Италии. Чуть не сплошь одна за другой на пути путешественникам попадались красивые, чистые деревни с садами и серебристыми тополями. Повсюду были видны поля, пересеченные арыками (ороситель-

[1] М. А. Пыльцов выходил в отставку и принять участие в очередном путешествии Николая Михайловича уже не мог.

ными каналами), а на лугах паслись большие стада баранов, крупного рогатого скота и лошадей.

Из долины Или экспедиция прошла в долину реки Кунгес (образующей вместе с Текесом реку Или), изобилующую лесами из диких яблонь и абрикосов, плоды которых густо усеивали землю и служили лакомством для кабанов и медведей.

К началу осени караван экспедиции вышел к высокому межгорному плато Юлдуз, расположенному между хребтами Восточного Тянь-Шаня. Это был край скотоводства, славящийся своими прекрасными лугами, где отсутствовали мошка и комары. На Юлдузе Николай Михайлович провел около трех недель, занимаясь охотой. Тут он впервые увидел и добыл для коллекции горного барана Ovis polli, о котором упоминает в своей книге Марко Поло.

С Юлдуза экспедиция направилась в долину реки Хайдыкгол, сбегающей с южного склона Восточного Тянь-Шаня в озеро Баграшкуль, из которого вытекает река Кончедарья — данник Лобнора. Кончедарья была для Пржевальского как бы воротами к Лобнору, добраться до которого он считал одной из главных задач своей экспедиции.

В низовьях Хайдыкгола находился город Карашар, куда Николай Михайлович тоже намеревался попасть. Карашар был одним из центров Кашгарии, по приказу правителя которой в 1857 году отрубили голову немецкому ученому Адольфу Шлагинтвейту, тайно пробравшемуся в запретную для европейцев страну.

За годы, прошедшие с того времени, в Кашгарии произошли некоторые изменения. В 1865 году там объявился некий Якуббек, прибывший из Средней Азии. В Восточном Туркестане Якуббек встал во главе восстания мусульманских народов Китая против цинской династии, управлявшей Китаем с 1644 года. Хитрый и властолюбивый, Якуббек сумел захватить власть в Карашаре, затем завоевать ряд других городов Восточного Туркестана и в 1867 году провозгласил самостоятельность так называемого государства Джетышаар («Семиградье»).

Участь Шлагинтвейта Николаю Михайловичу не угрожала. Якуббек хотя и не был другом России, но все же откликнулся на просьбу русского правительства разрешить Пржевальскому путешествие к Лобнору.

Разрешив Пржевальскому научные изыскания на территории Джетышаара, Якуббек одновременно дал указание установить над экспедицией (под видом ее охраны) слежку. Этот плохо замаскированный полицейский надзор очень мешал Николаю Михайловичу в передвижении по Джетышаару и в его работе, особенно в общении с местным населением, сборе этнографических материалов.

В город Карашар — резиденцию Якуббека — Пржевальского так и не пустили, поэтому он вынужден был пойти в город

Курля, стоящий на реке Кончедарья недалеко от Карашара, откуда направился потом к Тариму, впадающему в Лобнор.

Тарим — крупнейшая река пустыни Такла-Макан. На юг от Тарима до самых предгорий Куньлуня тянулись голые пески, а на север, где сыпучих песков мало,— рыхлая, просоленная глина с редкими кустами тамариска и саксаула, точно гигантские султаны, увенчивающими конусовидные глиняные бугры.

Сам Тарим, где через него переправлялся с экспедицией Пржевальский, имеет довольно быстрое течение и достигает 100—120 м в ширину при глубине на середине до 3—4 м. Пржевальский выяснил, что Тарим впадает не в Лобнор, а в озеро Карабуран. По выходе из него, обессиленный в неравной борьбе с песками и иссушающей жарой пустыни, останавливается и, разливаясь, образует полуозеро-полуболото Лобнор.

Растительность по берегам Тарима почти такая же скудная, как и в соседней пустыне. Только тограк (разнолистый тополь) каким-то образом приспособился к обитанию на берегах уединенной пустынной реки, образовав невзрачные, запыленные лесные заросли, узкой полосой окаймляющие как сам Тарим, так и его рукава и протоки. Впрочем, помимо тограка, попадаются в небольшом количестве также джида (лох), джингил, кендырь.

Тограковый лес удивительно неприветлив. Он не вызывает чувства радости даже тогда, когда путник попадает в него из Лобнорской пустыни, необозримой гладью раскинувшейся между горными хребтами Восточного Тянь-Шаня и Куньлуня. «Лобнорская же пустыня производит впечатление более дикой и более суровой, чем даже Алашаньская,— отмечает Николай Михайлович.— Животные там очень редки, более или менее часто встречаются только кабаны и зайцы, да и то близ самой реки. Есть также лисицы и волки».

Но, видно, именно дикость и глушь Лобнорской пустыни для некоторых животных удобны. Только так можно объяснить присутствие в тростниковых джунглях Тарима такого зверя, как тигр, и в богатых рыбой озерах — выдры. Благодаря своей дикости Лобнорская пустыня стала местом обитания и дикого верблюда.

Для жизни человека природа Тарима очень неблагоприятна. Но и там живут люди, о которых до путешествия Пржевальского не было никаких сведений. Люди расселились на этой пустынной реке лет сто назад, но был ли кто на Тариме до них — Пржевальскому установить не удалось.

К переселенцам с Лобнора прибывали потом со всех концов Восточного Туркестана ссыльные и беглые. Происходило усиленное смешение различных народов, в результате которого и образовались таримцы. Пржевальский считает, что интенсивное смешение различных народов обусловило общий характер

Женщины за сбором аргала — топлива для очага.

внешности таримцев. Он говорит, что «... таримцы, несомненно, принадлежащие арийскому племени (то есть к группе индоиранских народов. — *Б. Ю.*), отличаются крайним разнообразием своих физиономий». Здесь можно встретить типы сартов (оседлых узбеков. — *Б. Ю.*), киргизов, тангутов, монголов и даже европейцев.

В большинстве своем жители Тарима отличаются бледным цветом лица, впалой грудью и несильным сложением. Мужчины роста среднего, часто высокого, женщины же значительно ниже ростом. Язык этого народа близок к узбекскому. Религия мусульманская, но с примесью некоторых языческих обрядов. Религиозного фанатизма таримцы лишены. В быту, в семейной жизни женщина у таримцев — хозяйка дома, но раба мужа.

Свои жилища таримцы делают из тростника, укладывая его на деревянный остов. В потолке, сделанном тоже из тростника, оставляют отверстие для выхода дыма. Рядом с домом строится тростниковая загородка для скота. Десяток таких домов образует деревню, место которой в общем-то непостоянно, так как зимой деревни располагаются там, где больше топлива и корма для скота, а летом — по озерам, чтобы удобнее было заниматься рыбной ловлей. Чаще же всего деревни меняют свое место из-за болезни какого-либо из их обитателей, главным образом из-за оспы, почти всегда приводящей к смерти заболевшего. Стоит только кому-нибудь заболеть, как односельчане, оставив больному немного пищи, сразу же всей деревней снимаются с насиженного места, бросая несчастного на произвол судьбы.

Одежда таримца состоит из армяка и штанов. Под армяк надевается длинная рубашка. Зимой носят бараньи шубы. У людей побогаче, помимо шубы, есть еще халат, чалма и сапоги. Бедные же вместо сапог носят в холодное время самодельные башмаки, надевая их поверх войлочных чулок. На голову зимой надевают мерлушковую шапку с отвороченными полями, а летом — войлочную шляпу.

Женщины носят халат, напоминающий кацавейку, под халатом — рубашку и панталоны, нижние концы которых заправляют в сапоги.

Из ремесел таримцы знают только ткачество — приготовляют холст из бараньей шерсти или из волокон кендыря. Немногие знакомы также с сапожным и кузнечным делом.

Земледелие у жителей Тарима развито слабо. Хлеба они не имеют и вместо него едят поджаренные корни кендыря. Развито скотоводство — разведение баранов и крупного рогатого скота, кормом для которого служит тростник.

Главное же занятие у таримцев — рыболовство. Заниматься им способствует строение таримской долины. В низовьях Тарим течет довольно высоко над поверхностью окружающей пустыни, причем в ложе из своих собственных наносов и в окаймлении таких же наносных прирусловых валов. Прорывая в отдельных местах эти валы, таримцы устраивают искусственные озера. В эти озера с водой заходит и рыба. Когда рыбы в озере окажется много, брешь заделывают, а после того как вода в озере усохнет, рыбу вылавливают. Обнажившееся дно озера вскоре зарастает тростником, который таримцы целиком используют в своем несложном хозяйстве.

Из города Курля, придерживаясь таримской долины, Пржевальский направился на юг, в сторону горного хребта Алтынтаг, о существовании которого он узнал от местных жителей, когда расспрашивал их о местах обитания дикого верблюда. Продвигаясь от города Курля на юг, экспедиция в конце 1876 года подошла к селению Чарклык, расположенному на одноименной речке, стекающей с Алтынтага в Лобнорскую пустыню. Отсюда Николай Михайлович с тремя казаками и Эклоном и совершил свою замечательную экскурсию к неизвестному еще науке хребту Алтынтаг.

Алтынтаг Пржевальский обследовал на протяжении 300 верст и установил, что на всем этом пространстве это северная высокоподнятая окраина Тибетского нагорья, возвышающаяся над Лобнорской пустыней на 2—3 тыс. м. Уже тогда Николай Михайлович понял, что Куньлунь оградил Тибетское нагорье с севера только своей западной частью. Далее же на восток северной оградой Тибета является новооткрытый им хребет Алтынтаг, а еще далее Наньшань, восточную часть которого он обследовал во время предыдущего путешествия.

«Таким образом,— пишет он в своем отчете о третьем путе-

шествии в Центральную Азию,— является непрерывная, гигантская стена гор от верхней Хуанхэ до Памира. Эта стена огораживает собою с севера самое высокое поднятие Центральной Азии и разделяет его на две резко между собой различающиеся части: монгольскую пустыню — на севере и Тибетское нагорье — на юге. Нигде более на земном шаре,— делает он вывод,— нельзя встретить на таком обширном пространстве столь резкого различия двух рядом лежащих стран... по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец, по происхождению и историческим судьбам народов, здесь обитающих».

Неблагоприятная зимняя погода помешала Николаю Михайловичу перебраться на южную сторону Алтынтага и осмотреть местность, расположенную на юг от него. Но от проводников Пржевальский узнал, что к югу от Алтынтага находится пустынная равнина верст в пятьдесят шириной, за которой стоит другой горный хребет, а далее опять высокая равнина и за ней снова горный хребет — Чаментаг.

Алтынтаг, как его характеризует Пржевальский, представляет собой угрюмые, пустынные горы с редкой растительностью. Она встречается только по дну ущелий, где растет тамариск, или в сырых местах, где находит себе приют тростник. Помимо этих растений, кое-где можно увидеть чий, хармык, тограк, шиповник, саксаул. Животный мир Алтынтага представлен немногими чисто тибетскими видами, такими, как куку-яман, дикий як, кулан и антилопа оронго. Именно здесь и проходит северная граница их распространения в Центральной Азии.

Вдоль северного подножия Алтынтага экспедиция шла целых сорок дней. И за все это время вопреки ожиданиям встретила только одного дикого верблюда, подстрелить которого Пржевальскому так и не удалось. В утешение ему оставалось лишь сознание того, что он был первым европейцем, увидевшим этого редкого, полулегендарного зверя. Желая во что бы то ни стало приобрести шкуру дикого верблюда, Николай Михайлович отправил на его поиски местных охотников, пообещав им в случае удачи большое вознаграждение. Местные охотники и впрямь оказались удачливее. Им удалось выследить самца и самку и подстрелить их. Отлично препарированные старательными охотниками черепа и шкуры убитых верблюдов составили едва ли не самую ценную часть зоологической коллекции, собранной путешественником в эту экспедицию.

В целом итогами экскурсии к Алтынтагу Пржевальский мог быть очень доволен. Уже то, что был открыт для науки горный хребет длиной свыше 800 км, имело исключительно большое значение, тем более что это позволило в большой мере уточнить границу Тибетского нагорья, отодвинув ее к северу на 300 км.

В начале февраля 1877 года Пржевальский вернулся в низовья Тарима, а оттуда прошел к Лобнору, где, помимо общегеографических исследований, собирался провести наблюдения весеннего пролета птиц.

Николай Михайлович смог обследовать только южный и западный берега Лобнора и проникнуть на лодке только на половину его длины — дальше из-за мелководья и почти сплошных зарослей тростника продвинуться было невозможно.

Расспросив местных жителей, Пржевальский установил, что длина озера Лобнор равна приблизительно 100 верстам, а ширина 20. Всю прибрежную полосу озера облегают солончаки, расширяющиеся на южном берегу до 8—10 верст. Несмотря на солончаки, окружающие озеро, вода в нем пресная. Из этого факта следовало, что озеро недавнего происхождения. По ряду признаков Пржевальский определил и другое, вроде бы противоречащее первому: в прошлом это озеро было обширнее и глубже.

Итак, первая, очень важная часть программы исследований была Пржевальским выполнена: таинственное озеро Лобнор, о котором ученые знали только из древних китайских источников и из книги Марко Поло, было, наконец, открыто и нанесено на карту. Правда, это был Лобнор, современный Пржевальскому. Того Лобнора, который стоял на древних китайских картах, в природе уже не было, поскольку это озеро в зависимости от изменения течения питающих его рек — Кончедарьи и Тарима время от времени перемещается, уходя с одного места на другое. Оно меняло свое географическое положение, и не раз, и после того, как на нем побывал Пржевальский.

Наблюдения весеннего перелета птиц на Лобноре дали Николаю Михайловичу немало интересного. Лобнор был прямо-таки переполнен пролетными птицами. Это озеро, скрытое в глубине дикой, безводной пустыни, как раз на перепутье птичьих дорог, является, пишет Пржевальский, «великой станцией, в особенности для водяных и голенастых». Если бы не было таримской водной системы, то пути пролета птиц в Центральной Азии были бы совсем другие. Птицы не находили бы себе здесь места для отдыха, то есть пункта, стоящего на половине пути из Индии до Сибири. А за один мах перенестись от Гималаев за Тянь-Шань они просто не могут.

Николай Михайлович подметил еще один интересный факт. С прилетом на Лобнор огромного количества пернатых озеро должно было бы ожить от зимней спячки. Но весь этот огромный птичий базар, движение и суета птиц у воды не оглашаются здесь песнями и голосами весны наших краев. Все пернатые гости держатся кучами, не играют, не веселятся, зная, что здесь для них только временная станция.

На Лобноре Пржевальский провел февраль и почти весь март 1877 года. Таким образом, времени на ознакомление

с местным населением у него было достаточно. Общее количество жителей на Лобноре невелико — всего около 300 человек, или 70 семей, проживающих в 11 деревнях, которые были расположены большей частью внутри озера. Лет двадцать назад жителей здесь было значительно больше — до 550 семей. Но однажды за несколько месяцев подавляющее большинство их погибло от эпидемии оспы. Остатки прежних лобнорцев сохранились в «первобытной чистоте» лишь внутри озера, говорит Пржевальский. Прочие же обитатели Лобнора (Каракурчина) уже начали менять свои прежние быт и уклад жизни: стали разводить баранов и частично другой скот, начали сеять пшеницу. Все эти изменения происходят под влиянием переселенцев из других мест, осевших в Чарклыке. В окрестностях этого селения лобнорцы (каракурчинцы) и занимаются землепашеством, так как на самом Лобноре пригодных для этого мест нет.

Жители Лобнора и Тарима одного происхождения, считает Пржевальский. Внешне они отличаются только цветом кожи — у лобнорцев он темнее. Язык у них одинаковый — тюркский с примесью монгольских слов. Одинаковая и религия — мусульманство.

Николай Михайлович побывал почти во всех одиннадцати деревнях лобнорцев и хорошо с ними ознакомился. «Плывя вниз по Тариму, узкому и извилистому, по берегам же обросшему огромными тростниками, путешественник вдруг видит на берегу реки три-четыре лодки, а за ними небольшую, свободную от тростника площадку, на которой тесно стоят несколько квадратных загородей из тростника. Это деревня,— рассказывает в своем отчете об этом путешествии Пржевальский. — Жители, завидев незнакомого человека, попрятались и украдкой выглядывали сквозь тростниковые стены своих жилищ. Заметив же гребцов из своих и своего начальника, вылезают к берегу и помогают причаливать лодке. Выходишь на берег и осмотришься кругом. Везде болото, тростник — и больше ничего;клочка нет сухого. Дикие утки и гуси полощутся возле самого жилья, а в одной из таких деревень, чуть не между самими постройками, спокойно рылся в болоте старый кабан».

Одеты лобнорцы примерно так же, как и таримцы. Спать ложатся прямо на голый тростник, постланный на болотистом полу, «тот же рваный армяк, который каракурчинец носит днем, прикрывает его и ночью».

Питаются лобнорцы рыбой: летом свежей, а зимой сушеной. Если летом рыбы было заготовлено мало, то зимой они голодают и многие умирают. В теплое время года голодать не приходится — едят диких уток, которых ловят в нитяные петли. Весной в качестве лакомства употребляют молодые побеги тростника. Из метелок этого растения «более цивилизованные», как говорит Пржевальский, вываривают темную сладковатую массу,

заменяющую им сахар. Ни хлеба, ни баранины лобнорцы не употребляют.

Женщина хотя и хозяйка дома, но совершенно бесправна — на ней лежит вся тяжелая работа. Замуж девушки выходят в 14—15 лет. Мужчины женятся в том же возрасте или чуть позже. За невесту выплачивают калым: 10 пучков кендыря, 10 связок сушеной рыбы и сотню или две уток.

У лобнорцев нет даже своих кузнецов. Топоры, ножи, бритвы они получают из Чарклыка. Орудия эти так примитивны, что могут сойти за образцы орудий чуть ли не железного века.

И зимой, и летом лобнорцы ужасно страдают. Зимой от голода и холода, морозы переходят по ночам за 20°С, а летом от бесчисленного множества комаров и мошки, целыми тучами осаждающих их как днем, так и ночью.

Бедный и слабый физически, лобнорец «беден и нравственно», заключает Пржевальский. Круг его представлений и понятий о мире не выходит за берега родного озера, а вся жизнь напоминает «примитивный быт человечества», с грустью заканчивает он свой рассказ о несчастном народе, заброшенном судьбой в самую глушь Центральноазиатской пустыни.

Вторая часть плана второй Центральноазиатской экспедиции не была осуществлена Пржевальским. На Тибетское нагорье он не попал. Этому помешал целый ряд причин. Как раз в это время центр восстания дунган против цинской династии в Китае и против феодального гнета переместился в провинцию Синьцзян, что, конечно, не могло не помешать работе экспедиции. В это же время вспыхнула русско-турецкая война, выдвинувшая перед Россией другие, более неотложные задачи. Наконец, на поворот в судьбе экспедиции повлияла болезнь, а затем и смерть матери Николая Михайловича, а потом и его собственная болезнь, не избавившись от которой он не мог продолжать путешествие.

И все же, несмотря на незавершенность плана исследований, результаты второй Центральноазиатской экспедиции были так значительны, что доставили бы славу любому путешественнику. Открытие Лобнора и Алтынтага расценивалось и в России, и за рубежом как величайшие географические открытия. Огромную ценность представляли маршрутная съемка местности, выполненная Пржевальским на протяжении 1300 км, метеорологические наблюдения, особенно те, что были проведены в глубине пустыни Такла-Макан, замечательные ботанические и зоологические коллекции, собранные путешественником.

Огромное впечатление на научную общественность произвели этнографические сведения и описания Пржевальским жителей Тарима и Лобнора. Эти описания современники путешественника не без основания расценивали как самую завлекательную и интересную из этнографических картин, нарисованных новейшими путешественниками.

НА ВЕРХОВЬЯХ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

(Первое Тибетское Путешествие 1879—1880 годов)

21 марта 1879 года началось третье Центральноазиатское путешествие Н. М. Пржевальского. Это была, пожалуй, его самая интересная и богатая результатами экспедиция, охватившая своими маршрутами Джунгарию, Восточный Тянь-Шань, Няньшань, Тибет, Кукунор, верховья Желтой реки, Алашань и Монголию.

Экспедиция вышла в свой далекий и долгий путь из Зайсана (ныне город Зайсанск в Восточном Казахстане, СССР). Экспедиционный караван, длинной вереницей растянувшийся по улицам Зайсана, состоял из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей. В отряде экспедиции насчитывалось 13 человек, включая самого Пржевальского, Ф. Л. Эклона и Дондока Иринчинова — надежных товарищей Николая Михайловича по предыдущему путешествию, а также Всеволода Ивановича Роборовского, впервые отправившегося с Пржевальским в Центральную Азию.

«Человек весьма толковый,— говорит о Роборовском Николай Михайлович в письме одному из своих друзей,— порядочно рисует и знает съемку, характера хорошего, здоровья отличного». Лучшей характеристики своему новому помощнику от скупого на похвалы Пржевальского нельзя было и ожидать.

Для того чтобы проникнуть в сердце Азии, Пржевальский должен был сначала пересечь Джунгарию — высокую и безлюдную пустынную область на северо-западе Китая.

По словам путешественника, Джунгария мало чем отличается от Гоби. Это то совсем гладкая, то полого-увалистая, то холмистая необозримая равнина, усыпанная острым щебнем, галькой и песками, с такой же скудной флорой и фауной, как в Гоби. Но есть у Джунгарской пустыни и свои особенности. К ним в первую очередь относятся особенно сильные зимние и весенние пыльные бури, начинающиеся с утра и стихающие

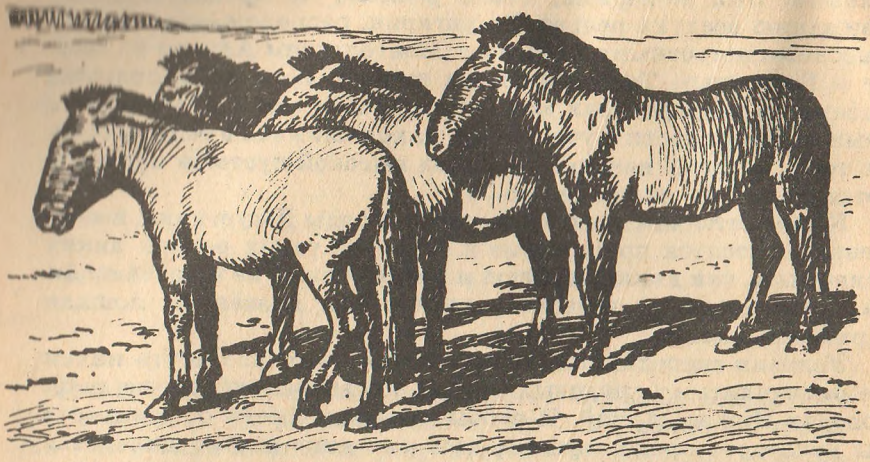
только к закату солнца. Помимо основных причин, обусловливающих главные направления воздушных течений в Восточной Азии, в Джунгарии возникновение этих бурь связано еще, как вполне правильно считает Пржевальский, с местными причинами. Это, во-первых, очень ровный, не препятствующий движению воздуха рельеф Джунгарии, расположенной между высокими широтными хребтами (Монгольским Алтаем на севере и Восточным Тянь-Шанем на юге), и, во-вторых, большая разница в температурах между нагретыми солнцем участками земной поверхности и участками, находящимися в тени, особенно теми, которые ночью в условиях высокой пустыни подвергаются сильному охлаждению.

К замечательным особенностям природы Джунгарии, несомненно, относится присутствие в ее фауне таких редких диких животных, как дикий верблюд и нигде больше не встречающаяся дикая лошадь, известная сейчас под названием лошади Пржевальского.

Условия экспедиционной жизни и на этот раз почти ничем не отличались от трудовых будней предыдущих путешествий, говорит Пржевальский. И чтобы читатели имели об этом хотя бы некоторое представление, дает описание одного дня «обыденной» походной жизни экспедиции и очень живую, лирическую картину ночного отдыха своего отряда: «...Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана куча баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек... В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; Млечный Путь отливает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа».

Джунгария не баловала Пржевальского картинами богатой животной жизни. Но именно ему первому из исследователей посчастливилось увидеть табун дикой лошади, которая держится в самых суровых и труднодоступных частях Джунгарской пустыни.

«К одному из этих стад можно было подкраться на меткий выстрел,— рассказывает он об одном из таких случаев,— но звери почуяли по ветру, по крайней мере за версту, моего товарища и пустились на уход. Жеребец бежал впереди, оттопырив хвост и выгнув шею, вообще с посадкою совершенно лошадиною; за ним следовали семь, вероятно, самок. По вре-

Дикие лошади Пржевальского.

менам звери останавливались, толпились, смотрели в мою сторону и иногда лягались друг с другом; затем опять бежали рысью и, наконец, скрылись в пустыни».

Из-за исключительной чуткости и осторожности дикой лошади, охота на которую могла бы занять много времени, Пржевальский не стал заниматься охотой на нее. Но один экземпляр редчайшего зверя, убитого местными охотниками-киргизами, ему дал для коллекции бывший начальник Зайсанского поста.

За два с небольшим месяца экспедиция прошла от границ родины более 1000 верст. Оставив позади Джунгарию и восточные отроги Тянь-Шаня, она прибыла в город Хами, центр крупного оазиса — одного из очагов земледельческой жизни, зародившегося в громадной Центральноазиатской пустыне в незапамятные времена.

Такие очаги земледельческой культуры, как оазис Хами, возникшие у выхода из гор небольших рек, разбросаны вдоль всей северной ограды Тибетского нагорья.

В Хамийском оазисе успешно выращивают пшеницу, просо, горох, овес, овощи, арбузы, дыни, пишет Пржевальский. Только не было там уже садов, которыми Хамийский оазис всегда славился. Все деревни оазиса еще несли на себе следы грозных событий, связанных с дунганским восстанием.

Хамийский оазис населяют потомки древних уйгуров, смешавшихся частью с монголами, частью с выходцами из Туркестана. По наружности они напоминают наших татар, счи-

тает Николай Михайлович. Одежда их состоит из широкого цветного халата и особой шапки, как у мужчин, так и у женщин, в виде митры, сшитой из сукна или бархата красного или зеленого, украшенного вышивными цветами, а на самом верху черной кистью.

Женщины вместо халата носят длинный балахон, а поверх него кофту без рукавов.

У мужчин принято голову брить. А те, кто состоит на службе, оставляют на затылке косу, подобно китайцам. Женщины же носят волосы спущенными за спину и заплетенными или в одну косу — до свадьбы, или в две косы — после свадьбы.

Замуж девушки выходят лет двенадцати. На улице женщины ходят без покрывала и вообще пользуются большой свободой, что, по мнению Пржевальского, по-видимому, необычно для страны с мусульманским населением.

В городе Хами экспедиция находилась недолго. Пополнила продовольственные запасы и сразу же направилась на юг, в другой древний оазис — Сачжеу. Путь ее лежал через знаменитую Хамийскую пустыню, открывшуюся перед путешественниками во всей ее «ужасающей дикости». Растительности в ней нет, отмечает Пржевальский, животных тоже. Даже ящериц нет. По дороге повсюду валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной днем землей темная, словно наполненная дымом, атмосфера. Только часто пробегают горячие вихри с крутящимися столбами соленой пыли.

Чтобы не мучить себя невыносимой жарой, большую часть переходов экспедиция делала ночью или ранним утром. Ночные переходы, естественно, затрудняли научные наблюдения и съемку местности, поскольку ориентироваться приходилось только по звездам.

Между Хами и Сачжеу экспедиция встретила невысокие, но обширные по площади пустынные горы Бейшань, являющиеся промежуточным звеном между Тянь-Шанем и Наньшанем.

Оазис Сачжеу возник на великом шелковом пути у северного подножия Западного Наньшаня. Этот оазис имел довольно цветущий вид, хотя тоже не оставался в стороне от событий, связанных с дунганским восстанием. В тени пирамидальных тополей, ильмов, ив и многочисленных садов в оазисе по-прежнему проживало значительное китайское население, занимавшееся земледелием.

Двигаясь затем на юг от Сачжеу, в сторону Западного Наньшаня, экспедиция подошла к главной достопримечательности оазиса — знаменитым пещерам Дуньхуан, или, более правильно, Пещерам тысячи будд. Пещеры тысячи будд — всего около 480 — вырыты в мощных толщах лессовых наносов (мелкозернистые, пылевидные, уплотненные отложения) в одном из предгорных ущелий Западного Наньшаня. Это — древний буддийский храм с многочисленными скульптурными

изображениями будды (одно высотой 28—30 м) и с замечательной росписью стен и сводов пещер как на религиозные темы, так и на сюжеты из народной жизни.

После осмотра Пещер тысячи будд Пржевальский направился дальше на юг, к манившим его вершинам Западного Наньшаня: ему хотелось не только обследовать эти горы, но и сравнить их с восточной частью огромной Наньшаньской горной системы, где он побывал семь лет назад.

Первые же шаги экспедиции в Западном Наньшане привели к открытию двух больших (не изображенных ни на каких картах) горных хребтов. Один из них Пржевальский назвал именем Александра Гумбольдта, а другой — именем Карла Рихтера, крупнейших специалистов по географии Азии.

Изучению Западного Наньшаня Пржевальский отдал почти полтора месяца, обследуя его и занимаясь охотой. Крупных животных здесь было мало. Но все же Николаю Михайловичу удалось открыть в этих пустынных горах новый, неизвестный до этого вид оленя, которого он назвал белогрудым маралом.

«Охота в горах не только трудное, но и опасное занятие»,— постоянно предупреждал своих товарищей Пржевальский. Очевидность этого утверждения подтвердил случай, происшедший с одним из членов экспедиционного отряда в горах Западного Наньшаня. Преследуя раненого яка, заблудился среди многочисленных горных отрогов и долин солдат Никифор Егоров. Его ждали и искали целых пять томительных дней, но так и не нашли. Не обнаружили даже никаких следов его. После этого никто в экспедиции уже не считал Егорова в живых. Да и сам он, теряя от голода и холода последние силы, «собирался вымыть где-нибудь в ключе свою рубашку,— как он потом сам рассказывал,— и в ней умереть».

«Но судьба судила иначе,— с волнением вспоминал эту историю Пржевальский. —...Егоров случайно встретил наш караван и был спасен».

Ознакомление с горами Западного Наньшаня показало, что горы находятся вне области периодических дождей и подвержены иссушающему влиянию близких Хамийской и Лобнорской пустынь. Подобно Алтынтагу, они имеют характер типичных пустынных Центральноазиатских гор. Вместо тенистых лесов, цветущих лужаек и светлых ручьев с зелеными зарослями кустарников, вместо неумолкающего пения птиц, радующего в горах Восточного Наньшаня, подверженного влиянию юго-восточного муссона, в Западном Наньшане Пржевальский увидел каменные россыпи, голые глинистые склоны и серые безжизненные долины. Можно было подумать, что Западный и Восточный Наньшань — различные горные страны, удаленные одна от другой на тысячи километров.

Завершив исследования в Западном Наньшане, Пржевальский прошел в Цайдам. Цайдам был уже знаком Николаю

Михайловичу по его первому Центральноазиатскому путешествию. Но в этот раз он проходил по его северо-восточной части — по равнине Сыртын, которая представляет собой как бы южный уступ хребта Восточный Наньшань, спускающийся в сторону Цайдама.

Равнина Сыртын — наиболее благоприятный по своим природным условиям уголок Цайдама. Здесь есть болотистые луга, на которых произрастает злак колосник, водятся дикие животные — куланы и хара-сульты. Довольно много и птиц, особенно тибетских жаворонков, отличающихся мелодичным пением.

Население здесь преимущественно монголы, принадлежащие, как и монголы Кукунора, к олётам. Они занимаются разведением баранов, лошадей, рогатого скота и верблюдов. В летнее время, когда скот начинают одолевать кровососущие насекомые, монголы уходят со своим скотом в соседние горы. На равнину Сыртын они возвращаются только осенью, ко времени, когда на болотистых лугах вырастают травы и когда овода и комары пропадают.

Одежда у монголов — у мужчин и женщин — халаты из войлока. Рубашек и нижнего белья они не имели. А штаны из бараньих шкур носили только зимой.

Из Цайдама Пржевальский пошел к хребту Бурхан-Будда, оттуда намечал пройти в Тибет. Весь путь от Зайсана до хребта Бурхан-Будда, причем на тысячеверстном отрезке от оазиса Хами до хребта Бурхан-Будда, никем из европейских путешественников не пройденный, составил в общей сложности 2060 верст. Почти на всем пути его маршрут пролегал по пустыне. Поэтому научные сборы были небольшими. За все пять месяцев по выходе из Зайсана экспедиция видела только 43 вида млекопитающих и 201 вид птиц. А рыбы были обнаружены лишь в реке Урунгу в Джунгарии и в реке Баян-Гол, стекающей с северного склона хребта Бурхан-Будда в Цайдамскую котловину. Много было добыто только пресмыкающихся и более или менее представительным выглядел гербарий, содержащий 406 видов растений.

Но в итоге экспедицией была проделана очень большая работа. Ведь по всему пройденному пути Пржевальский провел глазомерную съемку, сделал определение ряда высот местности, осуществил обширные общегеографические исследования и метеорологические наблюдения, а также выполнил ряд других научных изысканий. Он сам оценивал итоги этой части своего маршрута очень скромно. Но, не опасаясь впасть в ошибку, мы можем смело утверждать, что первая часть третьего Центральноазиатского путешествия была завершена успешно.

Теперь перед ним стояла задача осуществить вторую часть плана — исследования на Тибетском нагорье.

Как и в предыдущем путешествии, маршрут по Тибету

начинался от хребта Бурхан-Будда. Сберегая силы, экспедиция не стала подниматься на этот хребет, чтобы сократить путь на Тибетское нагорье, а обошла его с запада и, оказавшись у него в тылу, проникла в урочище Дынсыобо, являющееся своего рода последней высотной ступенью к Тибетскому нагорью. И тут после пустынного, угрюмого и безжизненного ландшафта хребта Бурхан-Будда она вдруг увидела перед собой картину, полную жизни и своеобразной красоты, присущей дикой природе. Везде были видны табуны не пуганных человеком резвых куланов, спокойно гуляли или лежали, отдыхая, дикие яки, в грациозных позах стояли самцы антилопы оронго и словно мячики тут и там скакали маленькие антилопы ада.

И уже совсем баснословное обилие зверей увидели путешественники, когда экспедиция перевалила через хребет Шуга и попала в долину реки Шугагол, ограниченную на севере горами хребта Шуга, а на юге горами открытого Пржевальским хребта Марко Поло. Здесь, на просторах Тибетского нагорья, был ни с чем не сравнимый, буквально сказочный мир царства животных. С удивлением и любопытством смотрели доверчивые животные на караван экспедиции, почти не пугаясь его. Табуны куланов только отходили немного в сторону, а иногда даже следовали за караванными животными.

Именно с такой, совершенно неожиданной стороны открылся путешественникам суровый Северный Тибет — эта наиболее своеобразная по своим ландшафтам часть гигантского Тибетского нагорья, о котором в своем отчете о третьем Центральноазиатском путешествии Пржевальский говорит: «Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны, ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под названием Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на высоту от 13 до 15 тыс. футов (3960—4574 м). И на этом гигантском пьедестале громоздятся обширные горные хребты. Словно стерегут здесь эти великаны труднодоступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки».

Пржевальский делит Тибетское нагорье на три крупные природные части: на южную, включающую высокие долины Инда, верхнего Сатледжа и Брахмапутры (в верховьях имеет

тибетское название Цангпо); северную — высокое столовидное Северо-Тибетское плато; и восточную — сильно расчлененную горную страну, т. е. переходные уступы, далеко вдающиеся в глубь равнин собственно Китая.

В дальнейшем Николай Михайлович дает описание только Северо-Тибетского плато, где ему удалось побывать дважды. На севере границей этого плато является северный склон Куньлуня, а на юге — Трансгималайский хребет Ньенчен-Тангла, воды с которого сбегают как на юг, в Цангпо, так и на север — в лишенные стока местные бассейны Северо-Тибетского плато.

Для Северо-Тибетского плато характерны широтные горные хребты небольшой относительной высоты с пологими склонами и куполообразными вершинами, разделенные широкими равнинами. Иногда эти равнины пересечены речными долинами, иногда представляют собой просто гладкие волнистые пространства или обширные замкнутые котловины, не имеющие стока в океан. Такими замкнутыми котловинами занята бóльшая часть плато. Только его восточная окраина, где лежат истоки Хуанхэ, Янцзы, Меконга и Салуина, имеет связь с Мировым океаном.

Многими неповторимыми чертами отличается климат Северного Тибета. Главная из них — резкая континентальность. Это определяется огромной абсолютной высотой нагорья и наличием на юге Тибета Гималайских гор, закрывающих в глубь нагорья доступ индийским муссонам. Температуры на Северо-Тибетском нагорье низкие на протяжении всего года. Характерны также из-за большой абсолютной высоты сухость и прозрачность воздуха, большая разница температур на солнце и в тени. Даже осенью, в конце октября, Пржевальский наблюдал одновременно на солнечной стороне +16,3°С, а в тени — 8,0°С. Типичны для местного климата также бури, особенно весной. Причины их примерно те же, что были указаны при описании Джунгарии.

Еще одна ярко выраженная особенность природы Тибета — бедный по видовому составу и по густоте растительный покров. Не говоря уже о том, что в Северном Тибете нет деревьев и почти нет кустарников (за исключением кое-где встречающихся кустиков облепихи, курильского чая и реамюрии), там очень беден и травяной покров. Травы растут только на более или менее орошенных песчаных и песчано-глинистых почвах, которые распространены преимущественно по берегам рек. Да и тут встречаются всего три-четыре вида злаков, касатик, астрагалы, а также соссюрея, вернерия и анафалис, иначе говоря, небогатая смесь альпийской и степной флоры. В высоких же долинах и в горах — притом исключительно на северных склонах — преобладает тибетская осока, образующая кочки, настолько твердая, что прокалывает даже подошвы верблюжьих лап.

Отметим еще одну особенность природы Северного Тибета.

Это, несмотря на скудность растительного покрова, поразительное обилие диких животных, о чем Пржевальский неоднократно говорит. На плато Северного Тибета он встретил всего 17 видов дикоживущих млекопитающих и 51 вид птиц. Но совершенно удивительным было, подчеркивает путешественник, общее количество зверей, в основном крупных млекопитающих. «Встречая по пути, иногда в продолжение целого дня, сотенные стада яков, куланов и множество антилоп,— восклицает он,— как-то не верится, чтобы то могли быть дикие животные...» Причину такого обилия зверей Николай Михайлович видит в первую очередь в том, что в Северном Тибете почти нет людей — главного «неприятеля» диких животных — и вполне достаточное для зверей количество имеющейся там воды.

В перечне диких животных, упоминаемых Пржевальским для Северного Тибета, мы видим дикого яка, кулана, антилоп оронго и ада, белогрудого аргали, куку-ямана, марала и грызунов — два вида пищух, сурка (тарабаган), зайца, полевок, а среди хищников — медведя (новый, открытый им вид), тибетского волка, лисицу и корсака. Из 51 вида птиц Пржевальский в качестве наиболее характерных называет грифа, во́рона, клушицу, тибетского жаворонка, вьюрка, саксаульную сойку, каменного голубя, тибетского улара, тибетского больдурука. Общее количество особей в орнитофауне не так велико, как в царстве животных, потому что в Северном Тибете нет ни лесов, ни густых травяных зарослей, ни обилия кормов, то есть всего того, что требуется для вывода потомства. К тому же и климатические условия слишком суровы.

Пресмыкающихся и земноводных на плато Северного Тибета, очевидно, очень мало, предполагает Пржевальский. Но тут же оговаривается, что проследить ему это не удалось, так как все наблюдения в Северном Тибете он проводил в позднее время года, когда пресмыкающиеся и земноводные пребывают в спячке.

О рыбах Николай Михайлович говорит, что в Северном Тибете они водятся в изобилии только в реках и речках, в озерах же «по всему вероятию лишь в тех, где вода неособенно солона».

Жизнь оседлого населения в Северном Тибете Пржевальский считает невозможной, так как там не вызревают злаки. Невозможна, по его мнению, жизнь и кочевого населения, поскольку то и дело передвигаться с места на место со своими стадами в поисках корма кочевники не могут — на скудных пастбищах Тибетского плато это делать пришлось бы слишком часто. Кроме того, людям нелегко привыкнуть к разреженному воздуху высокого нагорья, крайностям тепла и холода на нем, сухости и влажности атмосферы.

Соображения Николая Михайловича о непригодности Северного Тибета для жизни кочевников оказались справедливы-

ми в общем-то только для крайних северо-западных частей нагорья, где природа особенно сурова. В южных же его районах, например на платообразном поднятии Тангла и далее на юг от него, природные условия более благоприятны, и там сам же Николай Михайлович встречал постоянные кочевья тибетцев.

Путешествие по Северному Тибету, как и ожидалось, было очень нелегким. Экспедиция шла по нему в такое время года, когда начались холода и снегопады. Среди верблюдов, вообще не умеющих добывать корм из-под снега, начался падеж. В свою очередь люди тоже жестоко страдали от холода и недостатка горячей пищи, так как аргал был сырой и разжечь его стоило больших трудов. Вдобавок к этому вдруг от нестерпимо сверкавшего на солнце снега и у людей, и у животных (верблюдов и баранов, взятых на мясо) стали болеть глаза.

Однако наибольшее огорчение Пржевальскому доставлял проводник, который то ли действительно не знал дороги, то ли намеренно заводил экспедицию в запутанные горные лабиринты, как это было, например, в горах Кукушили. В конце концов Николай Михайлович прогнал его, больше веря в свою интуицию и умение ориентироваться в незнакомой местности.

Вспоминая впоследствии истории с проводниками, он не без чувства досады писал: «...видно, такова участь всех моих путешествий в Центральной Азии, что судьба каждого из них не один раз должна была висеть на волоске».

Изгнание проводника не только не осложнило положение экспедиции, но, наоборот, сильно упростило. Перевальная тропа через хребет Кукушили была быстро найдена, а затем успешно был преодолен и следующий стоящий южнее горный хребет — Думбуре, за которым, как уже знал Пржевальский, находились верховья Голубой реки, или по-монгольски Мурусу, где проходила караванная дорога богомольцев и торговцев, следовавших из Синина в Лхасу и обратно.

Итак, Лхаса, к которой так упорно стремился Николай Михайлович, была уже недалеко.

Поднявшись из долин Мурусу на плато Тангла, экспедиция двинулась к Лхасе. Дорога к Лхасе ничего хорошего всем своим видом не обещала. То тут, то там на ней можно было видеть кости караванных верблюдов, яков и черепа людей. Однажды путешественники набрели даже на труп монгола-богомольца, не выдержавшего, по всей вероятности, всех невзгод путешествия по суровому Тибетскому нагорью.

Еще при выходе из долины Мурусу на плато Пржевальский заметил, что на юг местность начинает постепенно повышаться. Как потом выяснилось, это был подъем на громадное широтное поднятие Тангла, тянувшееся целых 125 верст. По гребню этого поднятия, самого мощного на Тибетском нагорье, в свою очередь протягивался с востока на запад вечноснеговой и тоже очень пологий хребет, также носящий название Тангла.

Трудное восхождение на плато Тангла продолжалось восемь долгих дней. Тропа была покрыта льдом, и в некоторых местах ее приходилось посыпать песком, иначе верблюды не смогли бы сделать и шагу. Подъем оказался настолько трудным, что Пржевальский потерял здесь сразу четырех верблюдов.

Как ни сурова природа на плато Тангла, но именно здесь впервые после Цайдама Николай Михайлович встретил людей. Это было постоянно кочевавшее на плато Тангла тангутское племя егpаев. Помимо егpаев, на плато Тангла, вблизи берегов Мурусу, кочевали также, как потом узнал Пржевальский, голоки (нголоки), другое тангутское племя. Голоков Николаю Михайловичу видеть не привелось, а вот встреча с егpаями запомнилась надолго, поскольку, кроме скотоводства и охоты, они промышляли еще и другим — занимались грабежами проходящих караванов. Была предпринята попытка ограбить и караван Пржевальского.

Началось с того, что группа егpаев численностью 15—17 человек под предлогом продажи масла явилась в лагерь экспедиции и вызвала скандал, пустив в ход копья и сабли. К счастью, все участники экспедиции были начеку и успели нападение отразить. Потерпев здесь неудачу, разбойники спрятались за скалу и открыли оттуда из своих фитильных ружей стрельбу. Желая избежать кровопролития, Пржевальский сначала не хотел пускать в ход огнестрельное оружие. Но когда над головами засвистели пули, то стало ясно, что разбойники хотят во что бы то ни стало добиться своего. Николай Михайлович приказал на огонь ответить огнем. Первый же меткий залп казаков заставил егpаев отступить. Однако на следующий день они устроили по ущелью, по которому должна была проходить экспедиция, несколько крупных засад. Казаки, умело руководимые своим начальником, выбили противника сначала из одной засады, затем из другой, а потом смелым броском обратили егpаев в бегство. Путь вперед был открыт, причем без каких-либо потерь для участников экспедиции.

Спустившись с хребта Тангла, путешественники вышли к одному из притоков Салуэна, где и находились кочевья тибетцев, черные палатки которых были живописно разбросаны по широкой равнине. Тибетцы вели себя вполне дружелюбно, не проявляя по отношению к чужеземцам никаких враждебных намерений, даже, напротив, предлагали купить у них баранину, масло и сушеный творог.

Но как раз здесь всего в 250 верстах от Лхасы, у мирного тибетского селения Напчу, экспедиции пришлось остановиться. Какие-то неизвестные лица с целью настроить тибетцев против русских пустили слух, будто русские идут в Лхасу для того, чтобы похитить тибетского первосвященника — далай-ламу. А через некоторое время из столицы тибетцев прибыли чиновники

и заявили, что дальше пустить экспедицию они не могут.

Попытки Пржевальского добиться разрешения на дальнейшее продвижение вперед от самой лхасской администрации успеха не имели. Те же самые чиновники, ходившие по просьбе Николая Михайловича с дополнительным запросом в Лхасу, вернулись оттуда с отрицательным ответом.

Ломиться вперед, не считаясь с волей тибетских правителей, Пржевальский не мог. Он не хотел оставлять о себе у тибетского народа недобрую память.

Как ни тяжело было, но от мысли побывать в Лхасе Николай Михайлович был вынужден отказаться. Это было уже четвертое крушение надежды увидеть таинственную столицу тибетцев. Глубоко огорченный этим, Пржевальский стал готовиться в обратный путь.

Но пока экспедиция стояла в ожидании ответа из Лхасы, Пржевальский продолжал исследовательскую работу, изучая кочевое тибетское население окружающей местности. Первое время переводчика у него не было, поэтому знакомство с тибетцами и их образом жизни сильно осложнялось. Да и сами тибетцы, разумеется, не стремились раскрывать свой мир перед чужестранцами. Все это не могло не сказаться на полноте и точности собранных сведений, о чем предупреждает и сам путешественник.

По своему наружному виду тибетцы (кочевники) похожи на тангутов, говорит Пржевальский. Волосы у них на голове черные, длинные, иногда заплетаются в косу и украшаются костяными кольцами, кораллами, бирюзою и медными и костяными бляхами. В левом ухе нередко носят серебряную серьгу. Усы и борода у них растут плохо.

Тибетские женщины малорослы, цвет лица у них светлый. Волосы они разделяют пробором, заплетают в мелкие косички и связывают на высоте плеч двумя поперечными лентами с различными украшениями — кораллами, бирюзой, бубенчиками, металлическими бляхами.

Одеждой у тибетцев зимой служит баранья шуба, покрытая у более зажиточных людей красной шерстяной материей. Шубу подпоясывают так, чтобы на груди образовался мешок, в котором носят кисет с табаком, чашку и некоторые другие мелкие предметы. Правую руку мужчины, как правило, оставляют голой даже в мороз, чтобы ею можно было свободно действовать и, видимо не в последнюю очередь, саблей, которую они всегда носят за поясом. Рубашек и панталон тибетцы не носят, но надевают овчинные наколенники, частично заменяющие им панталоны. Сапоги шьют из грубой шерстяной материи, а подошвы к ним делают из кожи. Чулок не носят. На голову надевают бараньи или лисьи шапки или заменяют их повязками из красной шерстяной материи.

Жилище у тибетцев-кочевников и зимой, и летом одно —

большая черная палатка, квадратная в плане, сделанная из грубо сотканной ткани из волос яка.

Тибетцы питаются бараньим или яковым мясом, часто даже сырым, так как разжечь огонь из мокрого аргала не всегда удается. Любят чай с сушеным творогом, иногда добавляют в чай молоко и масло.

Главное и исключительное занятие кочевников-тибетцев — скотоводство. Держат они обычно баранов и яков, меньше — лошадей и коз.

По религии тибетцы, пишет Николай Михайлович,— буддисты, очень усердные и аккуратные в исполнении религиозных обрядов. Сохранились у них и остатки шаманизма.

Почти все тибетцы носят на шее амулеты в виде ящичка, в котором помещаются маленькие идолы, различные реликвии и бумажки с молитвами, а также заклинаниями, в силу которых тибетцы верят, как малые дети. Влияние лам (монахов) на простой народ безгранично.

В домашнем быту женщины нередко заправляют всеми делами.

Путем распроса монголов-переводчиков Пржевальский узнал некоторые общие сведения о населении, административном устройстве Тибета, о Лхасе и о далай-ламе, первосвященнике и верховном правителе Тибета.

В начале декабря 1879 года экспедиция Николая Михайловича покинула лагерь у тибетского селения Напчу и направилась домой. Настроение у Пржевальского было далеко не самое лучшее. К тому, что он не попал в Лхасу, еще добавлялось сильное беспокойство за судьбу экспедиции вообще. Впереди лежали сотни верст тяжелейшего пути при суровых тибетских зимних морозах и ветрах, а экспедиция находилась в самом плачевном состоянии. Из 35 верблюдов, с которыми он вышел из Зайсана, оставалось только 26, и среди тех половина была очень ненадежной. Продовольствия осталось немного, пополнить же его ни у стоянки близ Напчу и нигде в другом месте так и не удалось. Немало доставляло беспокойства и состояние здоровья участников экспедиции, так как с самого выхода из Зайсана никто ни разу не отдыхал.

Снова экспедиция перевалила плато Тангла, поднявшись теперь на него с юга по 75-верстному склону, а затем, накануне Нового 1880 года, остановилась в горах Думбуре на день. Как обычно, здесь была устроена охота — этого требовали и истощившиеся продовольственные ресурсы, и потребности научного характера: Пржевальскому нужны были для коллекции шкуры белогрудого аргали, волка и корсака.

В охоте принял участие и сам Николай Михайлович. Нужных ему зверей он так и не встретил, хотя побродил по горам немало времени, но зато натолкнулся на стадо старых яков. Охота на этих могучих зверей всегда увлекала Николая Ми-

хайловича, поскольку была связана с определенным риском. Именно «...интерес борьбы и до известной степени опасность,— писал он,— невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще несколько сильных ощущений к тем многоразличным впечатлениям, которыми так богата жизнь каждого путешественника вообще, а странствователя по пустыням Центральной Азии в особенности».

Одного яка, выпустив в него с десяток пуль, Пржевальский убил почти на том же месте, где и встретил, а второй упал и покатился вниз по крутому снежному скату горы. Прокатившись таким образом шагов сто, як, наконец, остановился и замер. Но как только Пржевальский стал к нему приближаться, зверь вдруг вскочил и бросился от него бежать. Через некоторое время Николай Михайлович нашел его. Як лежал не подавая признаков жизни, и Пржевальский решил, что зверь мертв. Но когда до него оставалось шагов сто, животное неожиданно поднялось на ноги и сначала шагом, а потом рысью бросилось охотнику навстречу. Как на беду, у Пржевальского осталось только два патрона. Первым он ударил яка шагов за семьдесят, а вторым — шагов за пятьдесят. Несмотря на это, рассвирепевший зверь не упал, а пробежал еще шагов двадцать и лишь после этого остановился, устрашающе наклонив голову с огромными острыми рогами и подняв хвост. Он стоял так близко, что было видно, как с его морды капала кровь и как краснели на груди раны от пуль. Минуту или две зверь и охотник, не двигаясь, смотрели друг на друга, потом як вдруг опустил хвост и приподнял голову — знак, что раздражение его спало. Видя это, Пржевальский решил отступать и, не спуская с могучего зверя глаз, пополз прочь. Лишь удалившись от него шагов на двести Николай Михайлович с облегчением вздохнул, поднялся и быстро направился к лагерю, дав себе слово всегда брать на такую охоту запасную пачку патронов.

После Нового года экспедиция снова тронулась в путь. Вслед за хребтом Думбуре перевалила через хребты Кукушили и Марко Поло, только немного западнее, чем в первый раз это делала, когда шла на юг, и вскоре опять появилась в Цайдаме. Теперь верблюдов осталось только 13, остальные все погибли. Сами же путешественники хотя и были целы, но чувствовали себя до предела истомленными и радовались, что более или менее благополучно распростились с Тибетским нагорьем.

«Назад на Тибет страшно было даже посмотреть: там постоянно стояли теперь тучи и, вероятно, бушевала непогода»,— записал в дневнике Пржевальский, очевидно не раз с облегчением вздохнув.

От Цайдама путь экспедиции лежал на Кукунор, а затем в Синин, где Пржевальский собирался провести подготовку к путешествию в верховья реки Желтой. Кукунор привлекал Николая Михайловича и как интересный природный объект

и как место, расположенное на рубеже «кочевой и культурной жизни, на границах таких народов, как монголы, китайцы и тангуты».

Город Синин — значительный торговый центр, в который тибетские купцы привозят свои товары и где покупают китайские изделия, поступающие в основном из Пекина. Главная достопримечательность Синина — знаменитый монастырь Гумбум, откуда в XIV веке вышел реформатор (преобразователь) буддизма Дзонхава, основоположник новой, северной ветви буддийской религии — ламаизма (распространенного среди тибетцев и монголов), одной из главных идей которого стало учение о грядущем будде-спасителе.

Население Синина состоит из китайцев, дунган, тангутов, далдов, монголов, киргизов.

Здешние китайцы ничем не отличаются от своих собратьев, проживающих в других местах, говорит Пржевальский. Занимаются они преимущественно земледелием, а также торговлей.

Дунгане,— говорит в порядке предположения Николай Михайлович,— окитаившийся тюркский народ, совершенно позабывший свой язык. Внешне они похожи, по его мнению, на татар. По религии дунгане — мусульмане, принадлежащие секте шиитов. Одеваются по-китайски и, как китайцы, бреют голову, оставляя на затылке косу. Питаются тоже по-китайски, только не едят свинину. Основное их занятие — земледелие, и ведут они его хорошо, хотя гораздо большую склонность имеют к торговле.

Киргизы, проживающие в небольшом числе на Кукуноре,— народ, тоже относящийся к мусульманам. Киргизы ведут там кочевой образ жизни. Они также забыли свой язык, во всяком случае, молодежь говорит только на монгольском языке.

Далды — народ плохо изученный и происхождение его еще не совсем ясно, но, вероятнее всего, это одно из монгольских племен. Одежду они носят китайскую и по-китайски оставляют на обритой голове косу.

Вблизи Синина смешанно с китайцами и далдами расселены также желтые тангуты. Они живут в таких же домах, как китайские фанзы, и занимаются земледелием. Другая часть желтых тангутов обитает в горах Тэтунга. Они живут там полуоседло, в деревянных домах, но занимаются не хлебопашеством, а скотоводством. Там же, в горах Тэтунга, проживает и остальная, третья, часть желтых тангутов, тех, которые ведут кочевой образ жизни.

Монгольское население у Синина по численности невелико, и пришло оно сюда, по всей вероятности, с Кукунора. Монголы живут здесь полуоседло и в основном вблизи буддийских монастырей, таких, как Алтын и Чейбсен.

Об экспедиции Пржевальского в Синине ходили всевозможные были и небылицы. О самом Николае Михайловиче говори-

ли, например, что он волшебник. Но всего удивительнее был рассказ о том, почему экспедицию не пустили в Лхасу. Этот рассказ, говорит Николай Михайлович, напоминает легенду об основании Дидоною Карфагена.

Один из сининских купцов изложил это так: «Во времена весьма давние на границу Тибета пришел какой-то ян-гуйза (европеец) и хотел пробраться внутрь страны, но в пропуске туда получил отказ. Тогда пришелец попросил, чтобы ему продали кусок земли, равный бычьей шкуре. Тибетцы согласились на это, заключили форменное условие и взяли деньги. Иностранец получил упомянутую шкуру, разрезал ее на тонкие ремешки, которыми обложил порядочное пространство, и объявил эту землю своею собственностью. Оспаривать такое право никто не мог. Относительно дальнейшей судьбы этой покупки предание не говорит: но только тибетцы с тех пор поклялись не пускать к себе хитрых европейцев».

Была середина марта 1880 года, когда Пржевальский проходил по Сининской равнине к верховьям Хуанхэ. Повсюду на ней, словно муравьи, копошились крестьяне. По дорогам пешком, верхом на мулах и в двухколесных китайских телегах шли и ехали люди. Чувствовалось, что экспедиция находилась в пределах густонаселенного района Китая.

Долину Хуанхэ на участке выше Гуйдуя Пржевальский осмотрел на протяжении 250 верст. Великая китайская река протекала здесь среди высоких, труднодоступных горных хребтов, между которыми расположены безводные, но некогда занятые озерами плато, сложенные речными наносами и лессовыми отложениями.

Абсолютная высота речной долины доходит тут до 2600 м, а ширина реки при малой воде — до 100—120 м, скорость же течения равна полутора метрам в секунду. В период летних дождей размеры и глубина реки резко увеличиваются, а вода от массы лесса, присутствующего в ней, становится желтой, отсюда и название реки — Желтая река, по-китайски — Хуанхэ.

Очень своеобразен ландшафт межгорных плато. Поверхность их густо изрезана и рассечена глубокими (до 300 м и более) ущельями вроде коридоров и траншей, по которым торопливо бегут либо речки, выходящие из гор на подгорную равнину, либо во время дождей временные потоки. Со стороны самого плато эти ущелья и траншеи не всегда заметны. Но если подойти к самому краю и заглянуть вниз, то глазам открываются самые причудливые формы выветривания, похожие на башни, столы, на мощные крепостные стены, на пирамиды и пр. Спускающиеся с плато в ущелья боковые балки и промоины, как правило, очень узкие, короткие и недоступные. Только изредка, по более пологим и широким из них, бывает проложена тропка, ведущая на дно как бы главных ущелий, где по громадным валунам с шумом мчатся речные потоки с зеленеющими по

их берегам лесными островками (из тополя, облепихи, лозы), в которых обитают такие животные, как марал, кабарга, медведь, кабан.

С поверхности плато не всегда разглядишь не только ущелья, но даже и заросли из акации, барбариса, шиповника, жимолости, кизила, смородины на их боковых склонах — местах обитания фазанов (ушастых и обыкновенных), сифаньских куропаток, дятлов, голубых сорок, коршунов, синиц, пеночек, завирушек и других птиц, в том числе и открытого здесь Пржевальским славковидного королька. Впрочем, и оголенные обрывы тут не безжизненны — на них держатся кеклики, гнездятся грифы и здесь же, в тех же обрывах, водятся куку-яманы.

Говоря о фауне и орнитофауне верхней Хуанхэ, Пржевальский отмечает их сходство с фауной и орнитофауной Восточного Наньшаня.

Поверхность самих плато, лишенная вод, не имеет ни древесных, ни кустарниковых зарослей, но совсем не пустынна. Перед путешественником разворачиваются здесь типичные степные ландшафты с волнами колышущегося на ветру ковыля, с пением жаворонков и степного чекана.

В конце 1880 года экспедиция выбралась из глубоких ущелий Хуанхэ и пошла по восточному краю Кукунора, производя по пути глазомерную съемку и различные научные наблюдения.

Флора Кукунора по количеству видов оказалась очень небогатой. В самом озере был обнаружен лишь один вид водоросли. По берегам же озера рос или дирисун (на равнинных участках с глинистой почвой), или (на почвах, в которых к глине подмешаны песок и гравий) ковыль, мелкий розовый лук, гулявник, реже астра и житник. Иногда попадались ель и тополь. Болотная растительность была представлена осокой обыкновенной и осокой тибетской, лютиком, белым касатиком, розовым первоцветом, орхидеей, белым и желтым мытником и др.

Из растений Пржевальского больше других заинтересовала джума — гусиная лапчатка, некрупное травянистое растение с маленькими, удлиненной формы съедобными клубнями, напоминающими по вкусу в сыром виде орехи, а в вареном — фасоль или молодой картофель. Это была любимая пища тангутов.

От Кукунора экспедиция вскоре же повернула на север и по Алашаньской пустыне направилась к Урге.

Как и в первый раз, Алашаньская пустыня произвела на Пржевальского тяжелое впечатление. День за днем перед глазами путешественника тянулись одни и те же угнетающе действовавшие на настроение пейзажи, повсюду мертвенность и запустение. Лишь изредка пробежит вдали робкая хара-сульта, юркнет в нору испуганный тушканчик, глухо просвистит песчанка, затрещит саксаульная сойка или быстро пролетит стая больдуруков.

Во второй раз шла экспедиция по срединной Гоби, поражавшей своей пустынностью и безжизненностью. Но на этот раз Николаю Михайловичу вдруг повезло: в каменистых холмах близ гор Хурху он встретил новый вид аргали...

В конце сентября караван Пржевальского вступил в пределы Халхи, а примерно через три недели путешественники были уже в Урге. Закончилось третье Центральноазиатское путешествие Николая Михайловича.

Третье Центральноазиатское путешествие Пржевальского по своим результатам было особенно интересным. Оно охватило Восточный Тянь-Шань и Джунгарскую пустыню, Западный Наньшань и Кукунор, Тибетское нагорье и пустыню Гоби. Путешественник имел возможность и наблюдать, и делать сравнения природы одних районов Внутренней Азии с другими, что делало его географические характеристики и описания еще более ценными.

Пржевальским снова были пройдены по Центральной Азии тысячи километров, были открыты новые горные хребты и на протяжении более чем 8000 км выполнена глазомерная съемка местности. И опять, уже в который раз, он доставил огромный материал по климату Центральной Азии, включая ежедневные трехкратные метеорологические наблюдения. Много дали науке сборы растений и животных. Огромный интерес среди ученых вызвало открытие Пржевальским дикой лошади в Джунгарской пустыне, записки путешественника о перелетах птиц и о жизни животных и растений в горах и пустынях Центральной Азии.

Значительную ценность для ученых представляют также материалы экспедиции о населении посещенных ею стран.

Немалой долей успехов этой экспедиции Николай Михайлович обязан Всеволоду Ивановичу Роборовскому. Эта экспедиция была первой школой исследовательской деятельности Роборовского.

Перед любознательным Роборовским впервые раскрылся новый и интересный мир и в покрытой бугристыми песками долине Черного Иртыша, и в знойной Хамийской пустыне, и на холодном и каменистом Тибетском нагорье, и в привольных степях Монголии.

С большим удовлетворением наблюдал Пржевальский за серьезной работой своего нового помощника. Он помогал ему глубже понимать природу, охватывая все явления в их взаимной связи. Подметив особое пристрастие Роборовского к ботанике, начальник экспедиции поручал ему сбор гербария, обучив разработанному в экспедициях способу коллекционирования растений. Впоследствии Всеволод Иванович писал: «...как-то само собой случилось, что ботанические экскурсии сделались мне особенно симпатичны и были вменены мне в исключительную обязанность; увлечение ботаникой доходило у меня до того,

что зачастую я с опасностью для жизни взбирался на горы и доставал цветочек, до которого добраться казалось почти невозможным; но если я его раньше не видал или мне думалось, что это новый вид растения, то я напрягал все усилия: камни валились у меня из-под ног, казалось, вот-вот свалюсь в пропасть, но все-таки я доставал интересовавший меня цветок».

Выполняя в экспедиции, кроме ботанических, и другие научные работы, Роборовский с особой охотой делал самые разнообразные зарисовки. В отчете о третьем путешествии в Центральную Азию Н. М. Пржевальский писал: «Типы приходивших к нам как мужчин, так и женщин втихомолку срисовывал В. И. Роборовский, всегда искусно умевший пользоваться для этого удобными минутами». Особенно удачными были его рисунки животных и растений.

Одной из самых трудных задач экспедиции из-за незнания языков был сбор этнографического материала. Неоценимую услугу и в этой работе оказал Пржевальскому Роборовский. Отличаясь большим терпением, Всеволод Иванович часами просиживал с местными жителями и при помощи переводчика расспрашивал их об образе жизни, обычаях, окружающей природе или делал зарисовки их жилищ и костюмов.

В этом путешествии, продолжавшемся около двух лет, Роборовский под руководством своего учителя получил ценные навыки многообразной экспедиционной работы. Однако главным и любимым его занятием всегда оставалась ботаника. Именно ему обязана экспедиция обильными и хорошо систематизированными ботаническими сборами. За время путешествия по Центральной Азии он собрал 12 000 экземпляров растений (1500 видов).

Совершенно необходимыми качествами для своих помощников Пржевальский считал самоотверженную любовь к науке, бесстрашие, стойкость и, безусловно, хороший характер. «Сварливый и злой человек,— писал он,— будет неминуемо великим несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела».

Роборовский помимо преданности делу, бесстрашию и стойкости, обладал также и прекрасным характером. Это во многом способствовало созданию в экспедиции того духа дружбы и братства, который в конечном счете и обеспечил успех всего дела.

К ИСТОКАМ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

В конце своего отчета о третьем Центральноазиатском путешествии Пржевальский говорит, что грустное, тоскливое чувство всегда овладевает им, как только пройдут первые радости по возвращении на родину. И чем дальше бежит время, тем более и более растет эта тоска по привольной жизни, тоска о свободе, правда, «дикой, но зато ничем не стесняемой», тоска о путешествии. Но путешествия не ради путешествия, как такового, ради приятного времяпровождения. Пржевальский выше этого. Он считает, что само дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны и, что самое главное для него, сознанием пользы для науки. «Трудности же физические, раз они миновали,— говорит он,— легко забываются и только еще сильней оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья. Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь...»

Именно поэтому спустя три года после возвращения из третьей Центральноазиатской экспедиции он снова был в пути.

В четвертое путешествие по Центральной Азии Николай Михайлович вышел 21 октября 1883 года из хорошо знакомой ему Кяхты. Эта экспедиция была снаряжена лучше, чем предыдущая, а ее состав без Пржевальского насчитывал 20 человек. Здесь были и спутники по предыдущему путешествию: В. И. Роборовский, уже в качестве первого помощника начальника экспедиции вместо выбывшего по семейным обстоятельст-

вам Ф. Л. Эклона, а также Дондок Иринчинов и Пантелей Телешов. А среди новых членов экспедиции находился будущий замечательный исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов, шедший вторым помощником начальника экспедиции.

В план работ Пржевальского входило дальнейшее изучение Северного Тибета, верховьев Брахмапутры, Каракорума, Лобнора, оазиса Хотан, расположенного на южной окраине пустыни Такла-Макан.

На отдельных отрезках маршрута Николай Михайлович намечал идти уже знакомыми путями, что облегчало и ускоряло продвижение к главным районам и целям экспедиции. По этой причине он и избрал отправным пунктом Кяхту, из которой знакомой дорогой прошел в Ургу, а затем по Северной и Центральной Гоби до Алашани. На всем этом пути проводились метеорологические и климатические наблюдения, проверка с помощью барометра абсолютных высот местности и сборы образцов горных пород, почвы, семян растений.

Ни рек, ни ручьев в Гоби, как и в предыдущие путешествия, Пржевальский нигде не встретил. Зато довольно часто попадались на пути неглубокие колодцы, правда, с плохой водой. Часто видел также монголов-кочевников, скот которых при резко бросающейся в глаза скудности пастбищ чувствовал себя на них, судя по всему, неплохо. Видимо скудость пастбищ, вновь отмечает он, вполне компенсировалась их обширностью, обилием соли в почве и отсутствием летом докучливых насекомых. Это те очень важные факторы, подчеркивает Николай Михайлович, которые делают возможным существование скота кочевников в самой дикой пустыне. Только в Центральной Гоби стада не так многочисленны, а сами монголы живут гораздо беднее, чем в северной, в степной части Гоби.

Гоби — район сильных ветров и бурь, за деятельностью которых с большим интересом наблюдал Пржевальский. Поразительно велика их роль в формировании рельефа пустыни и пустынных геологических образованиях. Они ударяют, дробят и трут друг о друга обломки скал, поднимают в воздух и перемещают пыль, песок и даже мелкую гальку. Николаю Михайловичу приходилось видеть, как камни величиной с кулак, попавшие когда-то в углубления горных обломков и вращаемые там ветрами и бурями, производили глубокие выбоины или даже насквозь протирали 60-сантиметровую каменную толщу.

Пржевальский считает, что и лесс — это характерное для Внутренней Азии образование — результат неутомимой работы бурь и ветров, их разрушающей, перемещающей и сортирующей деятельности.

Как в Гоби, так и в Алашаньской пустыне экспедицией были подмечены некоторые очень любопытные для зимнего времени природные явления. Например, нередкие, особенно в Гоби, миражи, случавшиеся в тихую ясную погоду на галеч-

ных и солончаковых пространствах. Или резкие температурные контрасты, наблюдавшиеся в Алашаньской пустыне при тихой и ясной погоде, когда днем в тени была отмечена температура —7°С, а на солнце на крутых песчаных склонах +27,5°С.

В той же Алашаньской пустыне в первой половине января морозы в ночное время доходили до —22°С, во время же наблюдений днем термометр десять раз показывал выше нуля. И только со второй половины января наступило значительное похолодание.

Из Алашаньской пустыни экспедиция прошла в Восточный Наньшань и там, в горах Северо-Тэтунгского хребта, обнаружив уютный уголок, остановилась на отдых. Здесь было довольно тепло, и на прогреваемых солнцем горных склонах обитали такие нежные виды пернатых, не улетевших на юг, как седоголовая горихвостка, завирушка, чечевица, некоторые виды вьюрка и дрозда.

Встречали путешественники в Северо-Тэтунгских горах и типичных для Восточного Наньшаня крупных зверей, хотя и не так уж много.

Все окрестные горы в этом районе были давно, по-видимому, обжиты. В верхнем поясе, на горных пастбищах, видны были кочевья тангутов с их стадами яков и баранов, внизу — китайских земледельцев, занимавшихся обработкой орошаемых юго-восточными муссонами участков лессовых почв.

Вторую пятидневную стоянку экспедиция устроила близ кумирни Чартынтон на южном берегу реки Тэтунг. Это было такое живописное место, подобного которому Пржевальскому не приходилось видеть в Центральной Азии. Лагерь экспедиция раскинула на высоте 2300 м, откуда путешественники могли любоваться то шумным красавцем Тэтунгом, стремительным потоком мчавшимся внизу среди отвесных скал и каменных громад, то вековым лесом, хвойным и смешанным, тянувшимся по горам на противоположной стороне реки, то роскошными альпийскими лугами, то недоступными скалами окружающих гор.

Следуя знакомым по предыдущему путешествию маршрутом, Пржевальский вновь оказался у монастыря Чейбсен, где случайно стал очевидцем необычной для него сцены. В монастыре ежедневно проводились по тому или иному поводу богослужения или устраивались религиозные процессии. Во время одной такой процессии Николай Михайлович вдруг увидел, как буквально в двух шагах от нее собаки пожирали труп и при этом никто из участников процессии не обратил на такой, с точки зрения европейца, кощунственный факт никакого внимания. Монахи как шли, невозмутимо бормоча свою молитву, так и продолжали неторопливо идти.

Европейцу это событие действительно может показаться выходящим из ряда вон. Но осуждать его нет ни у кого права.

Ведь у буддистов Центральной Азии издавна существует обычай не хоронить или сжигать трупы, а оставлять их на съедение хищным зверям или птицам. При этом считают, что, чем быстрее труп будет съеден, тем, следовательно, более праведную жизнь вел умерший человек. И наоборот, чем больше труп лежит, тем, значит, более грешную жизнь прожил покойный.

От монастыря Чейбсен экспедиция проследовала на Кукунор. Вся местность по пути следования была густо заселена земледельческим населением: тангутами, дунганами и проживавшими среди тех и других китайцами. Деревни были небольшие, но встречались часто, причем кое-где жилища были вырыты прямо в лессовых обрывах.

Экспедиция пришла на Кукунор в конце марта, когда озеро покрывал еще лед. Холодная погода стояла и всю первую треть апреля, из которых пять дней были со снегом, крепко подмерзавшим по ночам.

Холодная погода и лед, сковывавший озеро, отражались и на пролете птиц. Но возможно, замечает Пржевальский, что на весеннем пролете в этих местах сказывается отсутствие удобных мест для подкормки и для отдыха. И быть может, неудобное положение этого озера близ высокого Тибетского нагорья, притом как раз на меридиане, где пустыня Гоби имеет наибольшую ширину.

От Кукунора в соответствии с намеченным планом Николай Михайлович должен был пройти к истокам Желтой реки, к которым проникнуть мечтал с юношеских лет. Ведь на карте их наносили все еще приблизительно, пользуясь безнадежно устаревшими картами средневековых китайских ученых.

Чтобы попасть к истокам Желтой реки, экспедиции опять надо было перевалить через хребет Бурхан-Будда и выйти на Тибетское плато. За хребтом Бурхан-Будда, который экспедиция пересекла восточнее, чем в прошлый раз, Тибетское плато имело примерно такой же общий облик, как и в других местах, которые путешественник посетил до этого. И тут Пржевальский увидел, как в свое время в долине реки Шугагол, баснословное обилие диких зверей — яков, куланов, антилоп. Только после долгой зимы все они были очень худые, изможденные, а некоторые начинали даже линять, так что шкуры их для коллекции не годились.

Миновав затем неширокую полосу мелких, в беспорядке разбросанных гор, путешественники вышли к котловине Одоньтала — таинственной колыбели Желтой реки. Это было открытие точного местонахождения истоков одной из величайших рек Азии, решение очередной важной географической задачи.

Впадина Одоньтала, расположенная на абсолютной высоте 14 тыс. футов (4268 м), протягивается с юго-востока на северо-запад верст на 70, а ширину — на 20. Когда-то она была занята обширным озером. Теперь же перед Пржевальским лежали

кочковатые болота (мото-ширики), ключи и многочисленные маленькие озерки. По существу Одоньтала представляла собой, только в больших размерах, то же самое, что и мото-ширики, разбросанные по всему Северному Тибету.

Кроме болот, ключей и озерков, по дну котловины Одоньтала вьются небольшие речки, образующиеся или из тех же ключей, или сбегающие сюда с окраинных гор. Все эти речки и ключи собираются в северо-восточном углу котловины в два потока, у их слияния и зарождается Хуанхэ. Отсюда она течет на восток под монгольским названием Салама, часто разбиваясь на рукава.

На северо-восточной же окраине Одоньталы, у слияния главных истоков Хуанхэ, стоит невысокая Жертвенная гора, с которой Одоньтала, вся усеянная мелкими озерками, очень хорошо видна. При взгляде на восток от Жертвенной горы перед взором путешественника открывается гладкая болотистая долина только что родившейся реки, за которой еще далее на востоке открывается вид на громадную зеркальную поверхность озера Экспедиции, куда Хуанхэ (а точнее, пока что Салама) впадает вскоре же после выхода из своей колыбели.

Жертвенная гора названа так Пржевальским не случайно. На ее вершине сложен из камней священный знак «обо», у которого ежегодно в июле или в августе приносятся жертвы духам, питающим реку—кормилицу китайского народа. На эту церемонию сюда приезжают крупные китайские чиновники из Синина, князья из Цайдама, а также окрестное монгольское и тангутское население. По установившейся традиции сначала зачитывается присланная из Пекина и подписанная самим богдоханом молитва, а затем начинается жертвоприношение. Для этого берут белую лошадь, белую корову, девять белых баранов, несколько белых кур, а также три привезенные с собой свиные туши. Животных закалывают, мясо их съедается.

При выходе из Одоньталы Хуанхэ еще совсем небольшая, но отдельные ее рукава все же достигают в ширину 20—25 м при глубине до полуметра и лишь кое-где до метра. При своих весьма скромных размерах река, однако, на удивление богата рыбой. Рыба принадлежит исключительно к роду расщепобрюхих карпов, свойственных всему Северо-Восточному Тибету, Цайдаму, Кукунору и рекам Восточного Наньшаня. В этой же реке и в ключевых озерах ее долины экспедицией был найден еще один вид гольца, широко распространенный по всей горной области верхней Хуанхэ, на Кукуноре, в Цайдаме и во всем Северном Тибете.

«Битком набитые рыбой» верховья Хуанхэ привлекают к себе массу птиц: орланов, чаек, крохалей. И не только птиц. Сюда приходят также медведи, не без успеха занимающиеся рыбной ловлей на берегах великой реки Азии.

Рассказывая о местной ихтиофауне, Пржевальский указы-

вает на очень интересное наблюдение, касающееся одной удивительной особенности рыб Центральной Азии: всегда, говорит он, когда поешь рыбы из какого-либо бассейна Центральной Азии, тотчас же начинаешь испытывать желание поспать.

Определив широту и долготу истока Желтой реки, Николай Михайлович направился по Тибетскому нагорью к водоразделу, отделяющему бассейн Хуанхэ от бассейна Янцзы. Этот водораздел экспедиция пересекла лишь на седьмые сутки, хотя восхождение на него с севера было почти незаметным и не отличалось большой трудностью. Пологий с севера, на юге он неожиданно быстро переходит в альпийскую горную страну с высокими, крутыми и труднодоступными горами, которые далее, ниже по течению Янцзы, становятся еще более высокими и крутыми, достигая снеговой линии, поднимаясь до высоты 17 тыс. футов (почти 5 тыс. м.), то есть гораздо выше, чем в бассейне верхней Хуанхэ. Соответственно поднялась и граница альпийских лугов — до 4877 м. Все это вызвано, полагает Николай Михайлович, более южным положением горной области Янцзы по сравнению с верховьями Хуанхэ и большим влиянием на нее высокого Тибетского нагорья.

Наступила вторая половина июня, и еще недавно изжелта-серые голые скалы гор сверху донизу покрылись зеленью. Здешняя флора, очень сходная с альпийской флорой верхнего течения Желтой реки, состоит в основном из травянистой растительности, но ни густых трав, ни сплошного ковра цветов, так украшающих наши луга, тут не было видно, отмечает Николай Михайлович.

Пополнив в горах Голубой реки ботанические и зоологические коллекции, Николай Михайлович решил вернуться к истокам Желтой реки и заняться более детальным исследованием ее верховьев. Однако перед этим произошло одно событие, едва не перечеркнувшее все его планы и все результаты работы экспедиции.

При переправе через один из притоков Голубой реки случилось так, что бурное течение горной речки подхватило и быстро понесло вниз экспедиционных баранов. Чтобы перехватить их, в воду на лошадях бросились Роборовский и несколько казаков. Но лошадь Роборовского в суматохе была сбита с ног. И если бы Всеволод Иванович не успел вовремя выхватить ноги из стремян, то наверняка утонул бы. Но положение все равно оставалось крайне опасным. Вместе с баранами течение потащило и его. Дело осложнялось еще и тем, что винтовка, висевшая у Роборовского за плечом, сползла и болталась на руке, мешая ему плыть. Раза два-три Роборовский уходил с головой под воду и срывался с валунов, за которые пытался уцепиться. Все попытки казаков помочь ему не удавались, так как перепуганные лошади отказывались лезть в воду. Пока все это продолжалось в течение каких-нибудь одной-двух минут Роборовский ухитрил-

ся приблизиться к берегу, где глубина была поменьше, и один из казаков помог ему выбраться из водоворота.

Вернувшись к истокам Хуанхэ, Пржевальский занялся исследованием двух больших озер, в которые Хуанхэ, впадает после выхода из долины Одоньтала. За счет этих озер она пополняет запас своих вод и далее на восток идет уже более или менее полноводной рекой. Не зная местных названий этих озер, Пржевальский дал им свои имена. Западное он назвал озером Экспедиции, а восточное — озером Русским, полагая, что первое упрочит память о его экспедиции, а второе название будет свидетельствовать о том, что к истокам Желтой реки первым проник русский исследователь [1].

Изучением истоков Хуанхэ и северо-восточной части Тибетского нагорья закончилась первая, самая важная часть четвертой Центральноазиатской экспедиции. Но далеко не закончились испытания для ее участников, притом, пожалуй, самые опасные для них...

11 июля экспедиция расположилась лагерем неподалеку от озера Экспедиции, а на рассвете следующего дня на нее двумя большими группами вооруженных конных тангутов было совершено нападение. Оно было быстро и успешно отбито, так как члены экспедиционного отряда спали всегда с ружьем наготове, по ряду признаков предвидя подобное нападение. По первой же тревоге все мгновенно вскочили и прямо «с порога» палаток открыли по нападающим частую ружейную стрельбу. Не ожидая такой встречи и, вероятно, рассчитывая застать экспедицию врасплох, обе группы разбойников сразу же свернули в сторону и с какими-то странными криками умчались в темноту. Во время этой дикой атаки никто из участников экспедиции не пострадал и только восемь верховых лошадей, купленных незадолго до этого у тангутов же, сорвались с привязи и ускакали в неизвестном направлении.

Спустя несколько дней путешественники вторично подверглись нападению, теперь со стороны нголоков, бросивших против небольшого экспедиционного отряда около трехсот своих воинов. Однако, встретив решительный и очень грамотный с точки зрения военной тактики отпор и получив хороший урок, они тоже были вынуждены от своих грабительских намерений отказаться.

По первоначальному плану от истоков Желтой реки экспедиция должна была направиться к Лхасе. Но после столкновения с тангутами, взвесив все «за» и «против», Николай Михайлович решил отказаться от этого плана, не без основания опасаясь, что в столицу тибетцев он все равно не попадет и только попусту затратит силы и средства. Поэтому от озера Экспеди-

---

[1] Местное название западного озера — Джариннур, а восточного — Оринnур.

ции он повернул на север и, перевалив через хребет Бурхан-Будда, своим прежним путем прошел в Цайдам. Отсюда начался второй этап этого путешествия, в задачу которого входило более обстоятельное изучение самого Цайдама и главным образом Куньлуня, Лобнора, а затем Хотана.

Очередное исследование Цайдама путешественник начал с его южной части, которая представляет собой солончаковую впадину шириной около ста верст, протянувшуюся с востока на запад верст на четыреста. На юге впадину ограничивают окраинные горы Северного Тибета, с которых в нее сбегают речки, сразу же теряющиеся под землей по выходе из гор на покатую предгорную равнину. Пройдя под землей немалое расстояние, они потом снова выходят на дневную поверхность, но уже в виде ключей, не только заболачивающих дно Цайдама, но и сильно меняющих облик самой Цайдамской пустыни. Рядом с голыми солончаками благодаря этим водам появляется пояс растительности из тростника, колосника (элимус), осоки и ряда других растений, в том числе кое-где тамариска, хармыка, кендыря, сугака. Ограниченный на севере голыми солончаками, а на юге бесплодной глинисто-песчаной и галечниковой равниной, этот зеленый пояс простирается в ширину всего на 10—20 верст. Но он именно и создает в этом районе Цайдама необходимые условия для жизни людей с их стадами домашнего скота, имеющего здесь, хотя и небогатые, запасы подножного корма и воду.

Исследования в Цайдаме пришлись на первые осенние месяцы, когда в Цайдамскую впадину полакомиться ягодами хармыка спускаются медведи — обитатели соседних тибетских гор. Целых два месяца они объедаются сладко-солеными ягодами пустыни, а затем возвращаются на зимнюю спячку в родные горы.

По южному Цайдаму экспедиция шла до урочища Гас, о котором путешественники немало слышали от жителей всех цайдамских селений как об одном из лучших уголков всего Цайдама. Но ничего особо достопримечательного здесь не было обнаружено. Из растений — хармык, тамариск, тростник, колосник, иногда дырисун и кое-какие злаки и сложноцветные. И все те же хорошо знакомые животные — куланы, иногда харасульты, зайцы, волки и лисы. Только среди грызунов были обнаружены два новых вида песчанки, получившие потом названия одна песчанки Пржевальского, другая — песчанки Роборовского. Небогатым был мир и пернатых: саксаульная сойка, жаворонок, зимующий сорокапут, а на незамерзающих ключах — водяной пастушок, бекас-отшельник, утки и охотившийся на них сокол Гендерсона.

И все-таки экспедиция не зря сюда шла. Именно отсюда был найден перевал через хребет Алтынтаг, открывший ей путь в бассейн Тарима, в ту его часть, где со времен Марко Поло

никто из европейцев еще не бывал. И что особенно важно, урочище Гас оказалось очень удобным местом, откуда Пржевальский совершил большую экскурсию на Тибетское нагорье, в горы Северо-Западного Куньлуня — один из самых неведомых уголков Центральной Азии. Эта экскурсия продолжалась 54 дня и пришлась на ноябрь и декабрь, едва ли не самую холодную и голодную для вьючных животных пору. Несмотря на это, экспедиция прошла около 800 км.

До Пржевальского большой, самый трудный по природным условиям отрезок Северо-Западного Куньлуня — этого «позвоночного столба Азии», как его называли некоторые крупнейшие ученые, на протяжении целых 12° по долготе, то есть от цайдамской реки Найчжин-Гол до меридиана оазиса Керия, науке не был тогда известен. Огромная заслуга Пржевальского состоит в том, что на этот раз он смог его обследовать. Исключительно ценные материалы такого обследования вместе с материалами, полученными о Куньлуне во время предшествующих экспедиций, дали Николаю Михайловичу возможность довольно успешно разобраться в общей орографической картине Куньлуня — этой очень сложной, одной из древнейших в Азии горной системы, которая и на современных картах имеет немало еще «белых пятен».

Пржевальский установил, что главный кряж Куньлуня — везде двойной, а местами даже и тройной — непрерывно простирается с востока на запад на 40° и во всей своей западной части служит гигантской оградой высокого Северо-Тибетского плато, обращенной в сторону Цайдама. Северный склон Куньлуня, спускающийся к Цайдамской впадине, характеризуется более развитым рельефом, тогда как южный, тибетский склон гораздо короче и отличается более мягкими формами.

В Куньлуне Пржевальский открыл целый ряд горных хребтов, нанес их на карту и дал им названия: Керийский, Русский, Московский, Цайдамский, Безыменный, Колумба, Марко Поло, Загадочный — с наивысшей точкой всего Куньлуня — вершиной Улугмустаг —7723 м (он назвал ее Шапкой Мономаха). Многие из этих названий стали общепризнанными, а хребет Загадочный был потом переименован в хребет Пржевальского.

Покинув урочище Гас, Пржевальский перевалил через хребет Алтынтаг и вышел к Лобнору, где в первый раз был в 1876 году. В районе Лобнора и Тарима он провел съемку местности и астрономические наблюдения, чего не смог сделать в свое первое пребывание здесь, расширил и уточнил свои прежние исследования флоры и фауны Лобнора и Тарима, а также глубже познакомился с населением Лобнора.

Пятидесятидневное пребывание на Лобноре среди добрых и приветливых его жителей подкрепило силы путешественников, что им было очень необходимо после трудного зимнего перехода по Тибету.

Дальнейший путь экспедиции проходил на запад по южной окраине пустыни Такла-Макан. Экспедиция продвигалась вперед небольшими переходами, иногда с дневками, чтобы можно было более тщательно обследовать окружающую местность. И все же, жалуется Николай Михайлович, сборы как среди растений, так и среди животных от самого Лобнора до оазиса Черчен и далее до гор, ограничивающих пустыню Такла-Макан на юге, мало что дали ему нового.

Оазис Черчен лежит на высоте 1250 м над уровнем моря по обе стороны одноименной речки, верстах в 60 от выхода ее из гор на подгорную равнину. Место расположения — небольшая лессовая (очевидно, лессовидная) площадка, окруженная со всех сторон сыпучими песками пустыни. Население оазиса насчитывает 3—3,5 тыс. человек, или около 600 дворов. Дома глиняные, расположены среди полей как бы отдельными фермами.

Население оазиса очень неоднородное. Оно образовалось в результате смешения древних жителей оазиса (видимо, согдийцев[1]) с более поздними пришельцами — уйгурами, китайцами, тибетцами, арабами, монголами и выходцами из Западного Туркестана (ныне советская Средняя Азия). (В настоящее время почти все тюркоязычное население Китайского Туркестана называет себя уйгурами.)

Далее по пути на запад экспедицией были пройдены оазис Ния и ряд других, тоже стоящих верстах в 50 от места выхода рек из гор. Общий вид их почти одинаков с Черченом. Главное занятие жителей всех этих оазисов — земледелие и скотоводство. Земледельческая культура достигла здесь высокого совершенства еще в глубокой древности. Во всех оазисах на орошенных, тщательно возделанных почвах сеют пшеницу, ячмень, кукурузу, рис, горох, просо, клевер, а также арбузы, дыни, табак, хлопок. На огороде можно увидеть лук, редис, редьку, морковь, огурцы, тыкву и другую зелень.

С особой любовью ухаживают во всех оазисах за садами, в которых зреют абрикосы, персики, виноград, яблоки, груши, сливы и многое другое.

Вид цветущих садов не скрыл, однако, от наблюдательного глаза путешественника бедности и нужды, в которой пребывало население здешних сел. Отчасти бедность простого крестьянина объясняется недостатками земли и скученностью, пытается объяснить это Пржевальский. Но главное, очевидно, заключается в том, приходит он к выводу, что «к столь незавидной доле многих туземцев следует еще прибавить полную деспотию всех власть имущих, огромные подати, эксплуатацию кулаков, притеснения...». «И еще нужно удивляться,— добавля-

[1] Древняя восточноиранская народность Средней Азии и Казахстана — одни из предков современных таджиков и узбеков.

ет Пржевальский,— как при подобной обстановке лишь немного видоизмененной в течение долгих веков, не привились к населению крупные пороки, например убийства и т. п.»

Вести научные исследования во всех попутных оазисах Пржевальскому было очень трудно, так как везде местные власти запрещали населению общаться с русскими. «С другой стороны, простой народ всячески выказывал нам свои симпатии,— пишет Пржевальский.— Во время экскурсий нас постоянно угощали абрикосами и различной едой; то же делали и для казаков, пасших верблюдов или ходивших на базар».

Не доходя до оазиса Керия, в одной из попутных деревень экспедиция провела несколько дней на отдыхе. Жители деревни — приветливые и добродушные мачинцы (одна из местных этнографических групп местного населения) — встретили русскую экспедицию необычайно тепло. Как и в других селениях, между ними и русскими установилась настоящая дружба и глубокий интерес друг к другу. «По вечерам,— рассказывает Пржевальский,— казаки наши пели песни и играли на гармонии. Игра эта везде чрезвычайно нравилась жителям Восточного Туркестана».

В свою очередь и жители уйгурских деревень с готовностью показывали русским друзьям свои танцы и увеселения.

Продвигаясь вдоль северного подножия Куньлуня на запад, Пржевальский в некоторых местах заходил в горы — Русский и Керийский горные хребты, уточнял их положение в Куньлуньской горной системе, изучал их природу.

Говоря о первом, он, например, отмечает, что на всем своем протяжении этот хребет служит оградой Тибетского плато, обращенной к Таримской впадине, и, что характерно для гор Азии, в подобных случаях развивается вполне лишь к стороне более низкого своего подножия. Поэтому на северном склоне Русского хребта можно видеть дикие и грандиозные формы гор и скал и его труднодоступность, тогда как южный, тибетский склон «несомненно короче и мягче в своем рельефе».

Путешественник отмечает сравнительную пустынность Русского хребта, бедность его растительного покрова, среди которого совсем нет древесной растительности, и бедность мира млекопитающих. По существу животный мир здесь тот же, что и на плато Северного Тибета. Только высокая, покатая на север, к сыпучим пескам, подгорная равнина по характеру фауны принадлежит к Таримской котловине.

Керийский хребет, по описаниям Пржевальского, по всей длине представляет собой сравнительно узкую, но высокую и крутую стену гор, гребень которых сплошь выходит за снеговую линию. Особо выдающихся вершин в нем нет, но в отдельных местах над общей снеговой громадой поднимаются еще более высокие массивы, достигающие, по-видимому, 5800—6100 м. От 3350 м и ниже находится пояс предгорий шириной

по горизонтали верст 15—20, представляющий собой сбегающие от гор к пустыне гривы холмов и увалов, разделенные глубокими ущельями. В зоне примерно от 3350 и до 2900 м эти предгорья благодаря обильным летним дождям покрыты хорошими лугами. Но в целом Керийский хребет тоже не богат флорой. Причиной этого, по мнению Пржевальского, является резкий контраст (на небольшом сравнительно пространстве) между сухой и жаркой пустыней и громадными холодными горами, а также и крутизна гор, на которых вертикальные пояса сильно различаются между собой по температуре и количеству осадков, обильных к тому же только в летнее время, тогда как в остальные времена года здесь господствует засуха.

Фауна Керийского хребта, несмотря на то что он находится между двумя различными зоологическими областями — между Тибетской и Таримской, тоже не отличается богатством. Причиной этого служит чересчур дикий, недоступный характер верхнего пояса Керийского хребта и довольно узкий район более удобных для жизни предгорий. И, помимо всего этого, отсутствие в горах лесов и кустарников и почти непрерывные летние дожди при низкой температуре. Все это, вместе взятое, лишает мелких птиц возможности иметь для себя и своего потомства корм — насекомых и растительные зерна, так как зерновых трав здесь нет. Крупным животным тут мешают жить люди, населяющие предгорные районы и выгоняющие свой скот в летнее время на горные пастбища.

Вдоль северного подножия Керийского хребта экспедиция Пржевальского шла в течение целого месяца, надеясь найти проход на Тибетское нагорье. Потрачено было очень много сил, так как идти пришлось поперек увалов и грив, пересекая пади и глубокие (до 300 м) ущелья. К тому же беспрерывно лили сильные дожди, которые приносил с Индийского океана юго-западный летний муссон. От постоянной сырости вьюки становились тяжелыми, крутые спуски — скользкими и вдвойне опасными, речки, которые надо было переходить, разбухали, топливо (аргал) размокало и не горело. Ливни мешали также проводить боковые экскурсии в горы, делали невозможной съемку местности, а иногда надолго удерживали экспедицию на одном месте.

Особенно опасны были вздувшиеся горные потоки, от ливней они становились совершенно непроходимыми. Случалось, что высокая вода с гор приходила совершенно неожиданно и уносила целыми десятками скот местных жителей.

Повсюду у подножия Керийского хребта экспедиция встречала людские поселения. Это были поселения мачинцев, которые, как пишет Пржевальский, «представляют монгольскую расу в смеси с арийской», причем монгольские черты в их облике преобладают.

Судя по описаниям Пржевальского, мачинцы во многом по-

хожи на прочих горных жителей Восточного Туркестана. Язык у них тюркский, вера магометанская (мусульманская), суннитского толка. Религиозным фанатизмом не отличаются и даже намаз совершают лишь изредка. Многоженство среди мачинцев встречается нечасто, этим правом пользуются лишь богатые. Родство, даже двоюродное, препятствием для брака не считается. Все заботы по хозяйству и воспитанию детей лежат на женщинах.

Живут мачинцы в вырытых в лессовых отложениях жилищах, и только в предгорных деревнях строятся дома типа сакли.

Занимаются мачинцы скотоводством — содержат большие стада баранов, а также выращиванием ячменя на полях, расположенных в ущельях орошаемой дождями зоны.

Последние перед Хотаном два десятка верст экспедиция шла сплошной полосой оазисов. Все они были похожи один на другой: одинаковые глиняные дома типа сакли, малозаметные среди густой зелени садов, глиняные же возле них и вокруг садов заборы, арыки, обсаженные деревьями, огороды, наконец, миниатюрные поля, засеянные теперь исключительно кукурузой, изредка хлопчатником, арбузами и дынями. Ячмень и пшеница были убраны еще в середине лета.

Хотан — обширный оазис, известный по своему торговому и политическому положению еще с древних времен. Он состоит из трех городов, включая сам Хотан, и ряда сел. Население оазиса достигает примерно 300 тыс. человек. В основном это мачинцы, но немало и пришлых: афганцев, индусов и др. Однако монголов и вообще буддистов нет. При большой скученности и крайней бедности населения «дешевизна рабочих рук в Хотане невообразимая», отмечает Пржевальский. Сильно развита продажа детей. Как и в других городах Восточного Туркестана, замечательных архитектурных сооружений нет.

Торговля Хотана и всего Восточного Туркестана ведется главным образом с Россией и Индией. В Россию Хотан вывозит шелк (сырец и в изделиях), ковры, войлоки, бараньи меха, получая взамен ситцы, платки, коленкор, кумач, сукна и другие шерстяные ткани, а также спички, сахар, галантерею, железные изделия, сталь, олово, краски, стеариновые свечи. Из Индии в Хотан поступают чай, краски, лекарства, желтый сахар, мануфактурные товары, а в Индию идут золото, шелк, козий пух, бараньи меха, ковры. Китай вывозит из Хотана золото и нефрит, а ввозит чай, посуду фарфоровую и деревянную и некоторые материи.

Хотан был последним крупным пунктом Восточного Туркестана по пути Пржевальского на родину. Отсюда по долине реки Юрункаш экспедиция направилась на север, к Тариму. Сразу же, как она покинула Хотан, ее справа и слева обступили сыпучие пески, которые сплошной массой тянутся на север до самого Тарима, то есть непрерывно километров на 400.

Вскоре экспедиция вступила в долину реки Хотандарья, образующейся в результате слияния Юрункаша с Каракашем. Как и в долине Юрункаша, по Хотандарье встречались тамариск, чингил, джантак, солодка, кендырь и тростник.

Главную особенность Хотандарьи, текущей среди голых песков, составляет, указывает Пржевальский, «странно сказать, безводие, за исключением только летних месяцев».

Из животных здесь обитают марал, дикая кошка, тигр, кабан, лисица, волк, заяц, хара-сульта; а из птиц — фазан, саксаульная сойка, саксаульный воробей, дятел, черный ворон.

В начале октября экспедиция вышла к берегам Тарима. Затем перебралась на его левый берег, к месту впадения в него реки Аксу, где находился последний на ее пути Восточнотуркестанский оазис. В конце октября того же 1885 года экспедиция начала восхождение на перевал Бедель, по которому проходит пограничная черта между Россией и Китаем. Четвертая Центральноазиатская экспедиция Пржевальского закончилась.

В связи с ее окончанием Пржевальский в тот же день отдал по отряду приказ, в котором, в частности, говорилось:

«...мы выполнили задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени науки, которой вы служили, и от имени родины, которую мы прославили...»

Очередное путешествие великого исследователя окончилось. Не все задуманное Николаем Михайловичем было сделано. Не все пройдены были маршруты, намечавшиеся планом, но и то, что было выполнено, в огромной мере обогатило науку.

Напомним хотя бы в самом кратком виде итоги этой замечательной по своим результатам экспедиции:

— были открыты и нанесены на карту истоки Желтой реки, одной из величайших рек Азии;

— изучена и открыта для науки западная часть гигантской горной системы Куньлуня;

— обследованы и описаны никем до Пржевальского не посещенные районы Восточного Туркестана;

— проведена большая и трудная работа по топографической съемке местности и определению астрономических и барометрических пунктов, что, вместе взятое, связало воедино все экспедиционные маршруты Пржевальского по Центральной Азии и сделало ее карту научно достоверной;

— получены новые обширные данные по флоре и фауне Центральной Азии, как по их составу, так и по ареалам;

— сделаны новые наблюдения и описания, касающиеся населения Центральной Азии, в том числе таких районов, в которых никто из ученых до этого не побывал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сразу же по окончании книги «От Кяхты на истоки Желтой реки» Пржевальский представил совету Географического общества проект пятой Центральноазиатской экспедиции, на этот раз исключительно в Тибет. Но осуществиться его новым грандиозным планам не было суждено. Накануне выхода экспедиции из Каракола (ныне Пржевальск) в путь Николай Михайлович умер от брюшного тифа, неосторожно выпив вопреки своим правилам сырой воды (как оказалось, в районе, где незадолго до этого была эпидемия).

Похоронили Николая Михайловича, согласно его завещанию, на берегу высокогорного озера Иссык-Куль. На могиле его был поставлен памятник с фигурой орла, распростершего могучие крылья над картой Центральной Азии, пересеченной многочисленными маршрутами великого путешественника. Это — исключительно точный и выразительный символ научного подвига, совершенного Пржевальским на просторах Азии.

Достаточно взглянуть на маршрутную карту Николая Михайловича, чтобы представить всю грандиозность вклада в науку, сделанного этим неутомимым первопроходцем неведомых стран.

Не говоря уже о том, что исследованием Уссурийского края Пржевальский как бы завершил определенный этап изучения родной страны в ее новых границах, он заложил солидную основу подлинно научных знаний о Центральной Азии.

Маршруты его Центральноазиатских экспедиций общей длиной 31 551 км пересекли Центральную Азию во всех направлениях. Они пролегли по пустыням Гоби и Джунгарии, Алашаня и Цайдама, Ордоса и Лобнора. Они протянулись к высокогорному озеру Кукунор и верховьям Янцзы, к таинственным истокам Хуанхэ и открытой им для науки гигантской

горной стране Наньшань. Они прошли по труднодоступным горным хребтам и долинам неизведанных частей Куньлуня и, наконец, по высокому Северо-Тибетскому нагорью, веками отпугивавшему путешественников своей неповторимой суровостью.

Пройдя по Центральной Азии десятки тысяч километров, Пржевальский покрыл большую часть своего пути маршрутной съемкой, определил географические координаты 63 пунктов и абсолютную высоту 231 пункта. Орографическая и гидрографическая схемы русского путешественника дали прочную основу подлинно научным представлениям о рельефе и гидрографии Центральной Азии, и в частности о преобладающем широтном простирании ее горных систем.

Удивительны по своей обширности и содержанию ботанические и зоологические коллекции экспедиций Пржевальского. Гербарии его экспедиций насчитывают в общей сложности 15 тыс. растений, 1700 видов, в том числе 8 новых родов и 218 новых видов. Зоологическая коллекция включала 702 экземпляра млекопитающих, среди которых были такие уникальные животные, как дикий верблюд и открытые Николаем Михайловичем дикая лошадь и тибетский медведь. Коллекция орнитофауны насчитывала 5010 птиц и 1200 пресмыкающихся и земноводных. Следует отметить при этом, что в своих отчетах путешественник всегда описывал условия произрастания растений и среду обитания животных и их повадки.

Очень велико значение систематических метеорологических и климатических наблюдений Пржевальского. По существу они заложили основы климатологии Центральной Азии и во многом помогли ученым разобраться в общей схеме циркуляции атмосферы на земном шаре.

Наконец, новым словом в науке были его описания народов Центральной Азии и западных районов Китая, их истории, происхождения, хозяйственной деятельности, жизни и быта.

Подводя итоги вклада Пржевальского в науку, нельзя не отметить, что его величие как исследователя заключается не только в количестве пройденных им километров, открытых горных хребтов и т. д. Это не просто первооткрыватель новых земель, простой описатель того, что ему пришлось увидеть. Это был к тому же универсальный исследователь, очень тонкий наблюдатель и широко мыслящий ученый, оставивший нам классические образцы географического анализа и широких географических обобщений.

Он везде старался вскрывать взаимосвязи в природе, дать свою трактовку тех или иных природных явлений и их влияние на хозяйственную деятельность человека, последовательно и неуклонно проводил на практике те идеи, о которых писал в своем учебнике географии для юнкеров, что география должна иметь своим предметом полное исследование законов устройст-

ва земной поверхности, законов влияния этого устройства на развитие и распространение рода человеческого.

Огромный успех экспедиций Пржевальского, их выдающиеся результаты во многом объясняются прекрасной методической подготовкой к полевым исследованиям, разработанной путешественником на основе идей П. П. Семенова. Главные черты этой методики — комплексность исследований, точность и систематический характер, касается ли это географических описаний, метеорологических наблюдений или сбора коллекций.

Сразу же после каждой очередной экспедиции, пока были свежи впечатления, Пржевальский писал отчеты. Но это были отчеты не в буквальном смысле слова, не сухое перечисление того, куда пошли, что и как сделали, а живые, увлекательные рассказы. В них главы с описанием маршрутов путешествия перемежались тематическими главами, где строго научный материал подается рядом с приключениями, рассказами об охоте, яркими описаниями картин природы или «портретами» — характеристиками наиболее типичных животных и растений Центральной Азии.

Такая форма изложения и подачи научного материала делала книги Пржевальского интересными и для специалистов, и для широкого круга читателей. Поэтому ее очень охотно позаимствовали все русские путешественники, занимавшиеся исследованием Центральной Азии.

Большой заслугой Николая Михайловича Пржевальского можно считать то, что он воспитал таких замечательных исследователей, как В. И. Роборовский и П. К. Козлов. А разработанная им методика полевых исследований, его богатый опыт организации и проведения крупных экспедиций и его отношение к работе исследователя были восприняты не только Роборовским и Козловым, его прямыми учениками, но и другими русскими учеными: М. В. Певцовым и Г. И. Потаниным, Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. А. Обручевым, продолжившими дело Пржевальского — географическое изучение Центральной Азии.

Самоотверженный и плодотворный труд русских географов, собравших и обобщивших сведения по географии внутренних частей Азии, выдвинул русскую географическую науку того времени на одно из первых мест в мире.

Вклад Н. М. Пржевальского в мировую науку был высоко оценен и его современниками как в самой России, так и за границей. Пржевальский был награжден наградами высшего достоинства всеми ведущими географическими организациями мира: Русским географическим обществом, Географическим обществом в Париже, Берлине, Вене и т. д. Многие из этих учреждений, а также другие различные научные организации

присудили ему высокие ученые звания или избрали своим почетным членом.

Имя Н. М. Пржевальского увековечено на географической карте мира. Его именем названы: город, в котором он умер — бывший город Каракол на озере Иссык-Куль, горный хребет, открытый им в Куньлуне, крупный ледник в северной части Монгольского Алтая, мыс на острове Итуруп в Курильской гряде, мыс на озере Беннета на Аляске. Именем Пржевальского назван также ряд видов животных и растений, открытых им во время путешествий по Центральной Азии.

Имя Н. М. Пржевальского, великого русского путешественника — одного из самых выдающихся в истории землепроходцев новых земель всегда будет служить для советских людей замечательным примером бескорыстного служения науке и патриотизма.

Для нас, советских людей, имя великого русского путешественника всегда будет служить замечательным примером бескорыстного служения науке и патриотизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Страницы биографии Н. М. Пржевальского 6
По Уссурийскому краю 13
Путешествие в Монголию и страну тангутов 28
К загадочному Лобнору 49
На верховьях Желтой реки / Первое Тибетское путешествие 1879—1880 годов / 58
К истокам Желтой реки (Второе Тибетское путешествие (1883—1885 годов) 77
Заключение 91

Юсов Борис Васильевич

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Зав. редакцией И. А. Ерофеев
Редактор А. В. Мироненко
Редактор карт Н. И. Степанова
Мл. редактор М. В. Зарвирова
Художественный редактор Е. А. Михайлова
Технический редактор Г. В. Субочева
Корректор Г. И. Мосякина

ИБ № 8564

Сдано в набор 31.08.84. Подписано к печати 05.04.85. А 12837. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. офсетная № 2. Гарнит. школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 6,50. Уч.-изд. л. 6,03. Тираж 250 000 экз. Заказ 861. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Смоленск-20, ул. Смольянинова, 1.

Люди науки

